

ВІЛЬНЕ

КАЗАЧЕСТВО

ВОЛЬНОЕ

КОЗАЦТВО

25 Mai 1936

LES COSAQUES LIBRES

IX Année

25 МАЯ 1936 г.

199

25 ТРАВНЯ 1936 р.

ПАРИЖ

PARIS

ГОД ИЗДАНИЯ 9-й

РІК ВИДАННЯ 9-ий

Ю. Антон

Содержание:

1. Ходькевич-Сапсай: Не кляни, казаче, свою долю, а краше готуйся до бою.
2. † Иван Назаров: **
3. А. Бабков: На смерть И. М. Назарова.
4. П. Родин: Два брата.
5. Андрей Пономарев: Призыв.
6. И. К. Скубани: Боевая песня.
7. Вячеслав Седов: Весенние думы.
8. М. Еремиев: В десятую годовщину смерти Симона Петлюры.
9. Чужинец: Пугачев и Яицкое казачество.
10. Владимир Куртин: С Владикавказским кадетским корпусом.
11. Первый Окружной Съезд ВК в Польше.
12. Казачья эмиграция.
13. Е. Булавин: Штришки из казачьей жизни.
14. Думы и мысли.

Почтовый ящик:

Кнютанж. А. И. Будет напечатано в след. номере. Привет.
Аспарухово. Н. Л. Получено. Будет напечатано. Привет.
Туркуан. С. А. Получено. Будет напечатано. Привет.
Лиль. В. Б. Получено. Будет напечатано. Привет.
Польша. И. З. Письмо Ваше переслано Окружному атаману. Привет.
Италия. Н. П. Ответ — письмом. Привет.
Лион. Д. П. Будет напечатано. Привет.
«Станичнику». Казакам нечего путаться в спор русских «оборонцев» и «пораженцев». Делать нам нечего ни с одними, ни с другими. Ни с «П. Новостями», ни с «В». С русскими людьми можем говорить только с теми, кто признает наше — казаков — право на самостоятельность. И не только на сло-

вах, но и на деле. С русскими и Россией можем быть хорошими — и хотели бы быть — соседями. Привет.

Розыск:

Михаил Сафронов, казак ст. Усть-Медведицкой розыскивает своего станичника Петра Каледина. Откликнуться по адресу: Herrn M. Safronow, Elmenhorst, Grimmen, Vor-Pommern, Allemagne.
Розыскиваю казаков ст. Упорной — Владимира Шебуняева и Потапа Шапошникова. Откликнуться прошу по адресу:
Яков Негреев, Драшковичева ул. 29, Смедерево. Югославия.

Что делается там

Движение «ворошиловских кавалеристов» там докатилось не только до Оренбурга, но перекинулось уже в Семиречье и в Забайкалье.

Тем временем появился первый «ворошиловский кавалерист»... в Париже. В вышедшей недавно в Париже первом номере сменовеховско-большевистской газеты «Оборонческое движение» напечатана статья Александра Семенченкова — «Казачество и оборончество». В статье этой — повторение казенных большевистских восторгов по поводу того, что делается там. Парижский «ворошиловский кавалерист» уверен, что то, что делается сейчас там, является «патетическим ответом «оттуда» казак-самостийникам»...

Вопрос: действительно ли г. Семенчиков пришел в раж от «новой политики» Сталина или просто — спала старая маска со старого сменовеховца? — Мы склонны думать последнее.

— 21-го апреля московским правительством сняты с Казачества «ограничения» по службе в красной армии, т. е. казаки уравниены в правах на этот счет с русскими крестьянами, а обязанностей возлагают на них оккупанты гораздо больше, чем на своих...

23-го апреля в Москве издан приказ о казачьих дивизиях. Создаются две кадровых казачьих дивизии (Донская и Терско-Кубанская) и три дивизии территориальные (Донская, Кубанская и Терско-Ставропольская).

В начале мая состоялись «парады» и весенние «торжества» в Пятигорске и Царицыне. В Пятигорске принимали участие терцы, горцы всего северного Кавказа и донская и кубанская сотни. В Царицыне — донцы и калмыки. Пятигорские торжества «испортил» дождь.

На 18-е июня в Ростове назначены новые большие конно-спортивные состязания.

По сведениям Ростовского «Молота», в станицах идет усиленная муштра ворошиловских кавалеристов и молодых казаков.

Словом, в ускоренном порядке создаются резервы красной армии.

Но, есть и «но»: «обнаружен» недостаток обмундирования, холодного оружия и седел. Не хватает лошадей и инструкторов.

Такова картина тамошнего по советским данным. В действительности она, конечно, иная.

Оказывается, что «ворошиловские кавалеристы», еще раньше Парижа, появились в Праге. Если в Париже вышел только один номер сменовеховской газеты, то в Праге успело выйти их два («Оборона России» на чешском языке). Если в Париже объявился пока один, то в Праге гарцуют уже два «ворошиловских кавалериста» — ген. Сидорин и полк. Чапчиков — оба из младороссийского лагеря.

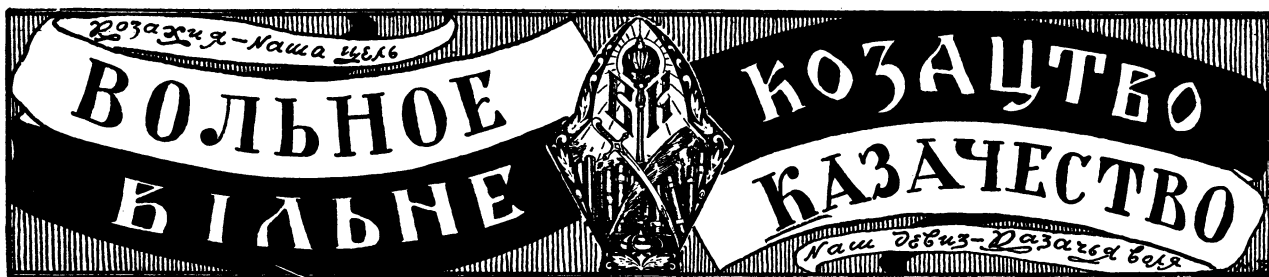
УКРАИНСКАЯ ХАТА В ПАРИЖЕ

В ресторане «Украинской Хаты» можно вкусно пообедать и поужинать за очень дешевую цену: от 2-х франков.

Кухня украинская и французская.

При ресторане имеется читальня — много украинских и казачьих газет и журналов.

MAISONNETTE UKRAINIENNE — 64, Bd Edgar-Quinet, Paris 14.(dans la cour).

— LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический

Revue bi-mensuelle littéraire et politique

Редактор-издатель: инж. И. А. Билый

Редакция и администрация: 10, Rue Victorien Sardou, Paris (16)

№ 199.

Понедельник 25 мая 1936. — Понеділок 25 травня 1936.

№ 199.

Ходькевич - Сапсай.

Не кляни, козаче, свою долю, а краще ютуйся до бою

Біжить, тече Дунай-річка
Прямо в Чорне море.
Живе козак за Дунаєм,
Терпить біду-горе.

Тихо-тихо несе Дунай
В Синє море воду.
Живе козак п'ятнадцять літ
Далеко від роду.

Прийде козак до річечки,
Сяде над водою;
Тяжко-важко закуриться,
Кляне свою долю;

Кляне долю, виказує,
Іноді й заплаче,
Що не знає лиху краю
І кінця не баче:

— «Доле наша козацька,
Де ти заховалась?
Чого ти нас покинула,
Защо відцуралась?

Защо оддала козацтво
У лиху неволю,
А нас отут заставила
«Клясти свою долю?» —

Обізвався Тихий Дунай
На козачі речи, —
Тихесенько, край бережка,
Водицею плеще:

— «Дарма, марно ти, козаче,
Клянеш свою долю,
Бо козацтво само винне,
Що терпить неволю.

Ваша доля дуже добре
За всіх вас подбала,
Що од царів-лиходіїв
Вас урятувала;

Розв'язала у Росії
Всякому народу
Віковічні важки пута, —
Дала всім свободу;

Тільки одно було треба
Козакам зробити:
Об'єднатись всім до купи,
Щоб Край боронити;

Та Кавказ і Україну
Заодно прохати,
Щоб до себе ту комуну
Ніяк не пускати.

Так зробили по-між себе
Західні народи,
Та гуртом собі й достали
Справжньої свободи;

Тепер Ляхи та Литвини
Добре поживають,
Та не клянуть свою долю,
А благословляють;

А ви ж самі нове ярмо
На шию наділи:
Свій народ і край веселий
Знов занапали....

Не кляніть же свою долю,
А краще покайтесь,
Та усі гуртом до бою
Добре об'єднайтесь:

Ваша доля ще не вмерла,
А в слушну годину
Знов допоможе зрятувати
Козацьку «країну». —

... ..
... ..
... ..
... ..

✠ Иван Назаров.

* * *

Я порою безумьем богат —
Мои речи грубы и безбожны,
Мелок мыслей моих перекат
И желанья и чувства несложны:
Жоны, девки в фонтанах огня,
И вино, и разгульные звуки...
Только это прельщает меня,
Только в этом забыль бы я муки...
Но, порою, в один только взлет —
Я под тучами слушаю грозы

И оттуда свой вижу народ,
И оттуда роняю я слезы —
Тамъ народную муку ношу,
Там делю с ним житейскую долю
И у Бога с молитвой прошу
Иль со злобою требую Волю.
Там я весь отрешен от всего
И понятна мне заповедь рода —
Что и должен я жить для народа
И погибнуть во славу его.

А. Бабков.

На смерть И. М. Назарова

Ушел от нас еще поэт — казак Иван Назаров
В потусторонний мир к родному брату своему,
Но дух сего певца изъять нельзя из всех журналов,
Где пел он песню вольную, чтоб возродить Страну...
Его духовный глас — по всем углам земного шара
И там, где, бросив Край Родной, осели казаки —
Он звал очнуться их от «красно-белого угара»
И вновь освободить страну, где сели мужики.
И кто читал его стихи и жгучие рассказы
Из были славных казаков и их борьбы с Москвой,
Тот должен выбросить с души все русские «заразы»
И присягнуть Казакии — стране своей родной...
Потерей славного бойца, ряды чуть поредели
И скорбь внезапная постигла вольных казаков...
Страницы нашего журнала, как будто побледили —
Там, нет уже Назарова — поэта пылких слов.
Порвались навсегда и рано струны звучной лиры,
Замолк на пол пути призывного набата звук...
Так что ж, и там, в загробной жизни, нужны командиры
Из вольных казаков — кто меч поднял в защиту мук?

В пятнадцать длинных лет тяжелой жизни на чужбине
Ушел в загробный край не он один из казаков —
Их много вечный сон нашли не в родине - святыне,
А здесь — вдали от сна своих отцов
И спят в земле они глубокой под тяжестью великой...
В посмертный день никто по ним здесь не прольет.
Лишь ветер позднюю порой за мать поплачет песней
дикий

И из живых цветов невидимый венок совет,
Да пташка сядет иногда на холмик их забытый,
Чтобы пробудить спящих трелью нежною от сна
И им сказать, что путь на родину еще закрыт,
Но сила вольных казаков уже врагу страшна...
А мы? — Мы тоже казаков за гранью не забудем
И их дела нетленные возьмем в Родимый Край,
Где память их народом всем казачьим чтить мы будем,
А души их святые пойдут в небесный рай...
Так спите же пока, герои славные степные,
Сладчайшим тихим сном в чужой далекой стороне
До тех Великих Дней, когда возьмем в Край Родные
И привезем дела ваши бессмертные Стране.

П. РОДИН.

Два брата

Весна шла победоносным маршем. Под ее волшебным дыханием все оживало. Солнце ежедневно посыпало миллиарды золотистых лучей на пробуждающуюся от зимней спячки землю и делало ее неузнаваемой. Природа набухала от жизненной силы и готова была каждую минуту развернуться и засверкать своей ослепительной красотой. В прозрачном весеннем воздухе с раннего утра и до позднего вечера рассыпалась серебрянная трель жаворонка. Все ликовало.

В станице С., расположенной на скатах двух гор, на одной из улиц, вблизи церковной площади, стоял старинный, весь утопающий в зелени, дом полковника Власова. Несмотря на торжество окружающей природы, обитатели дома были мрачно настроены и ожидали каждый день развязки семейной драмы. Два сына офицеры, вернувшиеся с фронта, держались диаметрально противоположных взглядов на события, развернувшиеся в Российской революции.

Игорь, старший брат, которого революция застала в Петрограде, был пропитан большевизмом и с пеной у рта защищал «правительство» красного Кремля.

Георгий же, делегированный в 1917 г. от фронтовых частей к Атаману Каледину, был ярким противником не только коммунизма, но и вообще русского владычества над казаками. Он проповедывал идею государственной самостоятельности всех Казачьих Областей. Правда, эта идея в то время была туманна и расплывчата и в ней мало кто разбирался, но это был тот росток, из которого ныне так буйно разрослось раскошное дерево Вольного Казачества.

Платон Всеволодович Власов, как представитель «войсковой старшины», не мог согласиться ни с одним из сыновей, ибо они оба отрицали того бога, которому он всю жизнь молился. Георгия он не понимал с его самостоятельными настроениями и не верил в их осуществление. Игорь же его просто пугал своими «богохульными» мыслями... Поэтому старик невзлюбил своих сыновей и отошел в сторону от семейных неурядиц.

Ничто не порождает столько ненависти и злобы между людьми, даже родственниками, как различие политических убеждений. На этой почве братья Власовы доходили до изступления. Нередко за обедом видки и ножи превращались в метательные снаряды, а тарелки летели вдребезги. Игорь с Георгием оказа-

лись детьми одного отца и ни в чем не уступали друг другу. Иногда дело доходило до того, что кобуры с треском отстегивались и вороненная сталь нагана в руках «противников» начинала подыматься вверх, но вселюбящая мать всегда во-время появлялась между родными братьями. Револютеры прятались, а «враги», смерив друг друга испепеляющими взглядами, расходились в разные стороны, чтобы при новой встрече с еще большим ожесточением вступить в бой.

Так происходило несколько недель, пока в станице не разыгрались события, заставившие братьев покинуть родной дом.

В последних числах апреля 1918 года на горизонте появился полк. Галаев с Суворовским отрядом и хотел произвести мобилизацию несколькими годам. Но фронтовики категорически отказались «больше воевать» и хотели даже арестовать Галаева, но он, защищаясь, открыл пулеметный огонь, разогнал казаков, а сам скрылся в степях, оставив на улице несколько человек убитыми и ранеными.

Игорь и Георгий, принимавшие живейшее участие в этом инциденте, должны были разойтись по разным дорогам — один с Галаевым, другой — в Царицын.

Платон Всеволодович облегченно вздохнул и вышел встретить весну. Сидя в своем саду, он частенько журил Надежду Николаевну за то, что она слишком много проливает слез по «беспутным» сыновьям.

— Пусть они плавают по житейскому морю «без руля и без ветрил» со своими «сумасбродными» идеями, тогда поневоле должны будут согласиться со мной и с тем «прогнившим» строем, по их убеждению, при котором «благоденствовали» все слои русского общества. Так было, так и будет. Иначе свет не может существовать, — философствовал Платон Всеволодович перед женой, ожидая к себе с «повинной» когда-то любимых сыновей.

Но события разворачивались не в пользу полковника Власова. Та пропасть, куда с треском бухнул русский империализм, теперь наполнялась его сторонниками, чтобы сделать живой мост, по которому должны были сойтись на смертный бой два врага — с одной стороны национальное самоопределение казаков, а с другой — третий интернационал.

Вооруженная борьба, поднятая казаками и продолжавшаяся с таким упорством два года, носила,

вопреки тогдашним и теперешним убеждениям многих, глубоко самостийнический характер. Этого не понимала и до сих пор, к сожалению, не может понять только часть «войсковой старшины». Но история в своем беге не останавливается над отдельными личностями, а, давя их, катится вперед...

Платон Всеволодович не допускал мысли, что русская пушка, приводимая его собственным сыном, через несколько дней станет обстреливать родную станцию. Но грянул гром и старик не выдержал. При первых же снарядах, пущенных под'есаулом Власовым, его хватил «кондрашка» и он, не поняв ни чужой, ни собственной вины, отошел в лучший мир, предоставив сыновьям с оружием в руках разрешать проблемы современной политики.

Разбушевавшаяся русская стихия, освобожденная от сдерживающего начала, кружила все на своем пути. Ее красные волны стали докатываться до Казачьих Областей и заливать богатые станицы. Враг врывался в курени, неся с собою смерть и разрушение. Земля начинала гудеть от конских копыт. «Степной Дух» зазвонил в свои колокола и эхо понеслось от кургана к кургану, зажигая сигнальные столбы. В «Диком Поле» начался казачий сполох. Полки, предводимые опытными есаулами, наносили удар за ударом красным полчищам, но они были так многочисленны и кровожадны, что с ними нельзя было покончить несколькими атаками... Война затянулась.

Есаул Дубровин с полком занимал свою станицу и выдерживал ураганный, но беспорядочный огонь большевических батарей. Несколько попыток переправиться через Дон не увенчались успехом и красные, заняв левобережную полосу, засыпали ежедневно снарядами казаков. Сотник Власов был ад'ютантом у Дубровина и уступил свой дом под штаб полка. Игорь, команду большевическим отрядом, находящимся на левом берегу Дона, прекрасно был осведомлен о расположении войск в станице. Каждый день старался он нащупать свой дом и выпускал сотни снарядов, но безрезультатно, — дом стоял за каменной церковью и удары приходились или по церкви, не причиняя ей большого вреда, или шли через дом.

Георгий давно собирался сделать набег на «товарищей» и проучить Игоря. Но командир полка не давал на то своего согласия, ссылаясь на слабые сведения о противнике. Наконец, была произведена тщательная разведка и полк стал готовиться к набегу.

Дождавшись темной ночи, есаул Дубровин переправился в О. через Дон и повел наступление на хутор Белужий двумя колоннами. Первый дивизион, под командой сотника Власова, пошел в обход хутора от железной дороги, со вторым же дивизионом есаул двинулся в лоб.

В это время с противоположного берега пехота открыла пулеметный огонь. Большевики бросились к Дону и, в свою очередь, стали заливать огнем противника. Дубровин подошел незамеченным к хутору и бросился в атаку. Началась паника. Казаки ловили растерявшихся коммунистов...

Покончив с хутором, второй дивизион двинулся вверх по Дону, снимая и разгоняя большевические посты. Пройдя версты три, казаки натолкнулись в прибрежных плавнях на три пушки, которые, за неимением передков, пришлось столкнуть в Дон.

Вдруг в тылу началась перестрелка. Дубровин, боясь быть отрезанным от переправы, повернул назад. Придя на хутор, он узнал, что Георгий нашел спрятанного Игоря, но поймать его ему не удалось. Игорь, отстреливаясь, ранил брата, вскочил на коня и скрылся в перелесках. Преследовать было бесполезно да и некому. Сотника отправили на тачанке в станицу, а полк стал переправляться назад, т. к. со стороны «Песчаных бугров» показалась густая лава красной конницы.

К вечеру большевики снова заняли хутор, а казаки отошли на «зимние квартиры», имея в руках сто

сорок пленных, четыре пулемета и около двадцати тысяч патронов.

После двухмесечного сидения полк был переброшен на Царицынский фронт, чем сотн. Власов был очень недоволен, ибо он терял «связь» с Игорем. Но в августовских боях, окончившихся для казаков неудачей, они снова встретились. Игорь командовал полком у Думенко и на этот раз сам чуть-чуть не поймал Георгия. Только благодаря случайности сотн. Власову удалось избежать кровавых объятий брата. Вместо него был пойман урядник Сиротин, который и возвратился через две недели обратно с заданием, во что бы то ни стало убить Георгия, за что щедро был вознагражден Игорем. Несмотря на чистосердечное признание, ур. Сиротин был изолирован из полка.

В последних числах сентября казаки снова стояли под Царицыном и на этот раз, кажется, серьезно решили овладеть большевической твердыней. Большевики это чувствовали и готовились. Они нагружали баржи по 500-600 казаков-заложников, заколачивали баржи сверху досками, вывозили на середину Волги, пробиwali дно и несчастные жертвы шли вместе с баржей ко дну...

Скоро, с северного фронта начали поступать неутешительные известия и Царицынский фронт, без всякого нажима со стороны большевиков, начал отступать. У начальников чувствовалась какая то недоговоренность и растерянность, а части иногда шли по инерции, без всякого маршрута.

Приближалась зима. Люди были раздеты и полуголодны. Кони становились от истощения и отказывались иногда идти даже в поводу. Вся же тяжесть при отступлении, как известно, ложится на плечи конницы. Есаул Дубровин вот уже второй месяц со своим полком отходит с боями, прикрывая едва успевающую отступать пехоту и обозы. А иногда приходилось эвакуировать и лазареты, брошенные на произвол судьбы. Раненные казаки покидали сами госпитали и тащились по колено в грязи под проливным осенним дождем, предпочитая быть затоптанными отступающей конницей или замерзнуть где нибудь на дороге, чем сдаваться на милость «свободнейшей» в мире армии...

В довершение ко всему этому свирепствовал тиф и казачьи полки редели с каждым днем. Воля слабела и вера в светлое будущее пропадала.

В таких кошмарных условиях полк докатился до Маныча. Но здесь неожиданно блеснул луч надежды — подошли кубанцы, которые быстро обуздали зарвавшегося врага и закрепили позицию на Маныче. Отступающие донские полки получили возможность отдохнуть в теплых квартирах, подлечить свои раны и приступить к новому формированию частей. Пушки гремели уже под Новочеркасском, но бодрость духа казаков не покидала. Северный фронт стал пополняться частями восточного фронта и наступление противника везде было остановлено. В воздухе повеяло новой весной. Природа снова начала оживать. Силы казачьи крепили, но душой овладевала тоска по родным куреням. Появились слухи о восстании верхне-донцов и казаки не могли уже усидеть на месте. Шла перегруппировка войск. Сводились и формировались новые части. Пополнялись старые и готовились к наступлению.

Полк есаула Дубровина, благодаря большим потерям, был сведен в дивизион и прикомандирован к корпусу ген. Мамонтова.

Отпраздновав Пасху, казаки снова загуляли по придонским степям. Корпус шел по тылам большевиков, нанося удары по самым чувствительным местам красных армий. «Товарищи» настолько ошеломлены этим и так растерялись, что некоторые части отступали в тыл к казакам, а другие, преследуемые со всех сторон мамонтовцами, переправлялись по несколько раз через Дон и спрашивали — «Сколько у вас Донных?»

Перед корпусом, как в колейдоскопе, мелькали родные станицы — Тацинская, Морозовская, Цымлян-

ская... А на Троицу, как снег на большевицкую голову, корпус ворвался в станицу Н.-Чирскую.

Дубровин с Георгием были неразлучны. Они на верстывали дни бесславного отступления и упивались своим успехом. Устраиваемые станицами торжественные встречи подогревали и без того неудержимый порыв казаков. Молодые офицеры соревновались в занятии станиц и хуторов. Сотник Власов, как голодный волк, рыскал по степи, разыскивая своего брата. Но, поиски были напрасны; он никак не мог напасть на след Игоря и это портило ему настроение.

Станица Нижне-Чирская, как его окружная станица, была последней надеждой, где он думал встретиться с Игорем. Накануне он даже поделился своими мыслями с Дубровиным, который решил не отпускать его ни на шаг от себя.

На рассвете корпус повел наступление. Красные попытались сопротивляться, но порыв был неудержим и казаки ворвались в станицу. Дубровин с Георгием одни из первых появились на главной улице, где пулеметы работали еще во всех направлениях.

Вдруг сотник остановился, повернул направо в переулок и соскочил с коня. Есаул последовал за ним и офицеры, отдав вестовому лошадей, двинулись с карабинами в руках по-под забором обратно к улице, с которой свернули. Пройдя к углу, Георгий, прижимаясь к забору, стал показывать на противоположный

тротуар, по которому бежало две сестры милосердия.

— Ну и что? — недоумевал Дубровин.

— Идем за ними, — проговорил сотник.

В это время из окна второго этажа окружного правления показалась фигура комиссара с бомбой в руках. Есаул в мгновение ока выстрелил и комиссар исчез, а когда он повернулся к Георгию, то его уже не было. Он бежал за сестрами по направлению реального училища. Дубровин бросился за ним и догнал его около школы.

На вопрос: Что ты делаешь? — Георгий, не оборачиваясь, проговорил. — Не отставай! — и бросился в раскрытую дверь реалки. Офицеры вбежали в коридор первого этажа и остановились. Кругом было тихо, как в могиле. Сотник указал рукой на лестницу и бросился наверх. Через десять секунд он был на площадке. Дверь одной комнаты открылась и на пороге появилась сестра милосердия, а за нею Игорь с забинтованной головой. Георгий вскинул карабин. Сестра бросилась к ним. Но... два одновременных выстрела и... два труп.

Игорь был убит Георгием, а сестра, которая оказалась их родной теткой, была убита в затылок из револьвера Игорем. Это так быстро все произошло, что есаул Дубровин не успел ничего сообразить... Только после он понял, какая страшная смертная драма разыгралась на его глазах...

Андрей Пономарев.

Призыв

Всколыхнулся, взволновался
Буйный Терек, Тихий Дон,
На Кубани стон раздался
И пронесся... за кордон
В край далекого Яика,
Оренбургских удалцов!...
Что же так всех возмутило
Наших братьев казаков?
Мысль у всех одна и та же:
Сбросить мрачную власть тьмы —
Цепи страшной диктатуры,
Гнет владычества Москвы
И зажить нам жизнью прежней,
Старой жизнью — без оков,
Как жилали наши предки,
По преданью стариков.
А вся Русь? Ей видно любо
Быть всегда под властью тьмы
Правителей большевистских —
Черно-красной сатаны.
Мы ж, — довольно, «насладились»,
Будем путь иной искать —
Путь свободной жизни вольной
Восстановим мы опять!
Все мы вновь объединимся
В праздник наш — Святой Покров.
Соберем все наши земли
В Землю — вольных казаков.
Вот к чему мы призываем
Буйный Терек, Дон, Кубань,
Оренбург, Яик, Калмыков
И все войско — Астрахань!

И. К. Скубани.

Боевая песня

(На мотив: «Кто свою отчизну любит
И кто серб душой...»).

Кто свой Край родимый любит,
В ком Свободы луч горит, —
Пусть в изгнании жизнь не губит
И с оружием спешит

Припев: На бой с врагом, на смертный бой
За милый Край родной!...

Ждать, сложа безсильно руки,
Нам, как будто, не к лицу —
Эти годы тяжкой муки
Уж пора свести к концу.

Припев:

За приют мы братским странам
Принесем земной поклон
И пойдем за Атаманом —
Нас в поход сзывает он

Припев:

Все, от стара и до мала,
Под знамена соберись, —
Слушай звонкий зов сигнала:
«Торопись... Поторопись!»

Припев:

Встанем дружно брат за брата,
В путь-дороженьку пойдем
И лихого супостата
Прочь далеко отшвырнем...

На бой с врагом, на смертный бой
За милый Край родной.

Вячеслав Седов.

Весенние думы

Весна. Проснулся мир от долгой зимней спячки, ликует и поет гимн благодарственный Премудрому Творцу. Зеленые луга, поля, деревья — в праздничном наряде и реки в бархатной кайме блестят, переливаются на ярком солнце, ласкают глаз и радуют сердца. Весна. Но почему же мне еще грустнее, когда кругом все торжествует? Почему мне плакать хочется?

Да потому, что я знаю, что эта новая весна не для меня, и я, как нищий у ворот роскошного дворца, в котором музыка гремит и много всяких яств и питья, стою оборванный, голодный, и грустно думаю: когда же, наконец, придет моя весна? Когда увижу я родимые места, станицы вольные, донские хутора, свой синий Тихий Дон и степь ковыльную? Когда увижу я народ освобожденный от рабства, униженья и крови?

Когда услышу вновь напев знакомый свободной песни старины, тогда паду я ниц на землю дорогую и стану крепко прах ее лобзать и радостной блаженною слезою ковыль степную щедро поливать. И в этот сладкий и желанный миг до самых дней, когда придет уйти мне в вечность, я буду прославлять Тебя, Великого Творца, Твою Премудрость и Предвечность.

М. Еремиев.

В десятую годовщину смерти Симона Петлюры

Десять лет тому назад, 25 мая 1926 года тихая улица Расина в знаменитом Латинском квартале Парижа была встревожена звуками револьверных выстрелов. Бросившиеся на шум прохожие увидели перед витриной скромного книжного магазина, расположенного на углу бульвара Святого Михаила, человека в белой куртке мастерового и с непокрытой головой, который, наклонившись, без перерыва стрелял в лежавшего перед ним скромно одетого средних лет человека, которого уже первая пуля в упор положила на мостовую.

Убийца, схваченный толпой, не пытался ни бежать, ни сопротивляться. Наоборот, он добивался только одного: быть как можно скорее переданным полиции, как будто в ней он видел залог своего скорого освобождения...

Расследование дела не представило никаких трудностей: убийца оказался Самуелем Шварцбардом, евреем из Смоленска, а его жертва был **Симон Петлюра**, Председатель Директории Украинской Республики и Верховный Вождь Украинской армии.

Конец этой драмы общеизвестен: Вождь Молодой Украины упокоился на парижском кладбище Монпарнас в скромной могиле, которая служит местом паломничества для всех украинцев, бывающих в Париже, а убийца, который нашел себе могущественных покровителей, был оправдан парижскими присяжными и с триумфом вынесен из зала Суда своими соотечественниками...

С момента этой трагической попытки убить украинскую национальную идею прошло 10 лет, десять лет, проведенных с одной стороны, в борьбе за идеалы Симона Петлюры, а с другой — в торжестве легкой победы... И теперь настал момент оглянуться назад и бросить взгляд в исторической перспективе на драму, которая, возможно, носит в себе зародыши будущих ужасных трагедий.

Симон Петлюра, сын бедного козака из под Полтавы, смолodu узнал горечь национального угнетения. Изгнанный за национальные идеи из учебного заведения, он проходит тяжелую школу самообразования и делается выдающимся украинским публицистом. Революция застает его в рядах социал-демократической партии и он делается, одним из первых, членом правительства молодой Украинской Республики. Но пар-

ламентская и партийная борьба между своими не удовлетворяет его кипучую натуру и он посвящает себя организации войска. Будущий Вождь, в то время как его товарищи еще занимаются разговорами о идиллическом союзе с демократической Россией, он уже смутно видит вдалеке приближающегося зверя. Он уходит на противобольшевистский фронт и делит с армией ее боевую жизнь, проявляя редкий организаторский талант и личную неустрашимость. Первая атака отбита. Имя Петлюры уже звучит на Украине, но он еще не Вождь. Он только наиболее популярный член Директории, председателем которой является Винниченко, Директории, которая победоносно вступает в Киев во главе сотысячного войска.

В этот момент пишущий эти строки, посланный за границу, должен был за 10 месяцев покинуть Украину, и поэтому превращение Симона Петлюры из рядового члена правительства в некоронованного Вождя Нации встало перед ним при возвращении, во всем своем поражающем блеске. Это восхождение Петлюры было тем более поразительным, что это не было восхождением полководца, которого приводят к власти боевые успехи, ни политика, который достигает цели хитрыми политическими комбинациями, а это было восхождение помимо и, возможно, против его воли в дыму пожаров и в потоках крови освободительной и гражданской войны.

Израженная, покрытая тифозными трупами и голодающая Украина жалась к Петлюре, как ребенок к Отцу, от которого он ждет помощи. И она не ошиблась. Петлюра дал ей единственную помощь, которую можно было дать в то ужасное время, — мощь твердости духа и непоколебимость национального идеала. Во всех ужасных испытаниях, которым могущественные враги подвергали в то время Украину, лишенный оружия, войска и даже территории, окруженный ропшущими и часто изменниками, Петлюра, как древний Моисей, непоколебимо шел вперед, собирав рассеявшееся войско, доставал оружие, отбивал пядь за пядью свою Украину, вводил администрацию и вел широкую иностранную политику. Имя Петлюры царило над всем хаосом тогдашних дней и даже за границей скоро стало синонимом независимой Украины.

Козаки хорошо знают и никогда не должны забы-

вать, что послужило причиной воцарения большевиков на их Землях. Предательский удар Деникина в спину Украине решил судьбу почти всех вновь освободившихся от Москвы народов и воссоединил Великую Россию под скипетром красного Кремля. Но Петлюра в поражениях был так же тверд, как и в победах. Он отступает с остатками войска в Польшу и через полгода заключает союз с Маршалом Пилсудским — политиком, который видел будущее Польши на сто лет вперед.

Следует знаменитый поход на Украину. Победа, поражение и опять победа, плоды которой вырваны из рук Пилсудского международной кликой, которая возлагала слишком большие надежды на будущую Великую Россию. Маршал Пилсудский отходит скоро от кормила правления, а Петлюра, после последней отчаянной попытки прорваться на Украину, уходит в эмиграцию, откуда ему не суждено было вернуться.

Но эмигрантство Симона Петлюры не было похоже на обычные формы изгнания суверенов. Все, что ему удастся спасти от разгрома, он отдаст на дело пропаганды, а сам, часто без всяких средств к существованию, коучет из столицы в столицу, ободряя и организовывая эмигрантов, ведя дипломатические переговоры и заражая всех своей непоколебимой волей и верой в окончательную победу.

Наконец, луч света среди тьмы. Маршал Пилсудский берет власть в свои руки...

Что он сделает далее? Вспомнит ли про свой союз с Украиной и выступит ли он снова в поле, чтоб в союзе с ней свернуть раз навсегда шею двуглавному орлу?... — Таковы были мысли, которые волновали Симона Петлюру во время его одиноких прогулок по тихим переулкам Латинского квартала... Но ему не удалось дожидаться на них ответа.

10 дней спустя после переворота Пилсудского, как только в прессе появились известия про резкий поворот польской политики по отношению к Советам, Симон Петлюра, страстный любитель книги, стоял у окна скромного книжного магазина на улице Расина...

Был ясный весенний день. Кругом было почти пусто и только шаги редких прохожих нарушали послеобеденную ленивую тишину.

— Вы Пан Петлюра?

Он обернулся. Перед ним стоял незнакомец в белой рабочей куртке, рука в кармане.

— Да. Это я.

И пять пуль в упор положили на месте мертвым Верховного Вождя Украинской Нации.

Биография убийцы, который заявил, что он отомстил С. Петлюре за погромы, которые имели место на Украине во время революции, чрезвычайно поучительна. Еврей, родом из Смоленска, он показал, что в молодости он занимался революционной деятельностью, но какого характера была эта деятельность, проверить не удалось. Более точно известно, что в 1908 году он был арестован в Вене и приговорен к 3 годам тюрьмы за кражу со взломом. По отбытии наказания он вновь арестован в Будапеште за подобную же попытку... Он переезжает во Францию, где, несмотря на его прошлое, ему удается натурализоваться. Как только вспыхивает революция, он является в русское посольство и, присигнувши в верности Демократической Республике, получает средства для возвращения на родину. Немедленно по прибытии в Петербург он записывается в красно-армейцы, прини-

мает участие в свержении Керенского и выступает с оккупационной армией на Украину. Он описывает свои «подвиги», которые, к сожалению, украинцам хорошо известны, в своих корреспонденциях в еврейские газеты. По оккупации Украины он по неизвестной причине покидает советский рай и возвращается в буржуазный Париж, где открывает часовой магазин, который служит местом встречи для заезжих большевиков и анархистов. Он знает, что Петлюра в Париже, т. к. удостоверено, что некоторое время он за ним следил, но он ни делает никакой попытки на него напасть, наоборот он на долгое время оставляет его в покое и вдруг, немедленно после варшавского переворота, «вспоминает», что погромы еще не отмщены, хватает револьвер и убивает Вождя Украины.

Процесс Шварцбарда был чрезвычайно показательным. Для защиты его объединилось все мировое еврейство и все левые элементы. Советское правительство внесло и свою лепту, допустивши на Украину специальную комиссию под председательством известного большевика Лекаша и приславши свидетелей, долженствовавших показать, что С. Петлюра устраивал погромы.

Но вся эта грандиозная мобилизация не дала желаемых результатов. Правда, Шварцбард был оправдан, но все поняли, что он был только исполнителем чужой воли. За то на суде выяснилось, что этот герой был в действительности вором и убийцей, готовым на все, что он имел сообщников и что он подготовил тщательно свое покушение. На суде были представлены приказы С. Петлюры, назначавшие суровые кары для погромщиков, и приговоры судов, которые приводили эти наказания в исполнение. В то же время противная сторона, которая обвиняла украинцев вообще и С. Петлюру в частности в устройстве погромов, не могла в доказательство своих слов представить ни одного документа и базировалась исключительно на устных показаниях, и то главным образом заведомых большевиков.

Процесс Шварцбарда был мировой сенсацией... Зала суда не могла вместить всех журналистов, с'ехавшихся со всех концов света, но при этом необходимо отметить, что, несмотря на все ухищрения большевиков, солидная пресса всего мира отнеслась весьма сдержанно к обвинениям против украинцев и с определенной симпатией к жертве и только большевицкая, большевистствующая и еврейская пресса воспользовались этим случаем, чтобы свести счеты с Украиной. Само собой разумеется, русская пресса была в этом последнем лагере и не скупилась на обвинения по адресу украинцев, в чем особенно отличился известный мастер этого дела Н. П. В. из «Последних Новостей».

Шварцбард был оправдан, но процесс на этом не кончился. Имя Симона Петлюры свято чтится всеми украинцами, без различия политических взглядов, и служит символом политического освобождения Украинской Нации от иностранного владычества. Но, украинцы только тогда будут считать это печальное дело ликвидированным, когда восторжествует дело, которому служил покойный. А это будет тогда, когда прах Симона Петлюры, незабвенного Вождя Украинского народа, опочит в Пантеоне освобожденной Украины, очищенной от московско-большевицкой скверны.

Следуя заветам Симона Петлюры, украинцы верят, что день этот не далек.

ПАМЯТИ ВОЖДА НАЦИОНАЛЬНОЙ УКРАИНЫ.

В день десятилетия трагической смерти Симона Петлюры Походный Атаман ВК инж. И. А. Билый возложил венок на его могилу в Париже с надписью на казачьей трехцветной ленте: «Вождю Национальной Украины — Походный Атаман ВК.»

Большой венок, сделанный из живых цветов голубого и желтого цвета (нац. укр. цвета) несли атаман и помощник Парижской ВК станицы — П. Калита и Д. Линник — оба в черкессах.

Венок был возложен во время панихиды на могиле покойного, которую служила по нем Парижская украинская колония.

Вечная память Симону Петлюре! Слава Украине!

Чужинец

Пугачев и Яицкое казачество

По новым историческим данным.

У. ПУГАЧЕВ НА ДОНУ.

Чем ближе подходил Пугачев к Дону, тем беспокойнее себя чувствовали и комендант Царицынской крепости Цыплетев, и наказный атаман Войска Донского Сулин, сменивший на этом посту «бунтовщика» Степана Ефремова и гнавшиеся за Пугачевым командиры отрядов. Цыплетев торопил на помощь к себе Багратиона, медленно тянувшегося через Землю Войска Донского с регулярным отрядом; его направление определилось на Воронеж, к Новохоперской крепости, для прикрытия московского направления с юга. Между тем, под ударом был именно Царицын, на который с севера валилась лавина вновь разросшейся пугачевской «толпы».

8 августа 1774 г. Михельсон доносил Панину, что разбитый им пугачевский «полковник» Суходольский сообщил о колебании Пугачева под Саратовым, повернуть ли ему на Москву или на Мальсковку (на Волге) и оттуда на Иргиз. По мнению Михельсона (и совершенно правильному) Пугачев шел на Дон и мог повернуть на Воронеж. «Однако, добавлял он, — есть и такие известия, что злодей имеет намерения пройти на Дон, сбунтовать Кубански орды и, усилившись, идти к Москве» 99).

Таким образом, у Пугачева была мысль опереться не только на Дон, но и на кубанских ногаев. Уже 24 августа, после отражения Пугачева от Царицына, Михельсон сообщал: «Злодей весьма поспешает и берет дорогу свою на Черный Яр: на Дон ему теперь уже проттить будет трудно» 100).

Часть ставропольских калмыков пристала к Пугачеву еще в оренбургский период войны. В мае 1774 г. кн. Щербатов, сменивший Бибикува, писал подп. Мильковичу, чтобы тот послал не только к Дербетеву и его матери (калмыцким владельцам), но и бунтующим калмыкам верных и надежных калмыков «для уговору и увещания, что они в должное повиновение обратятся, возвратились на прежнее их кочевье; возмущающих же их яицких казаков, которые, как известно, при них находятся, всех переловя, выдали б ближайшим нашим воинским командам, с уверением, что не только не будут притеснены и воспользуются прежними выгодами, но и показано будет возможное вспоможение»... Послать надо было «из Ставропольских и Оренбургских калмыков, ибо уповать надобно, что в них толпах обих с их родов калмыки находятся» 101).

Из этого ордера можно заключить, что яицкие казаки не только с первых же минут восстания заключили союз с башкирами, но и пытались вести активную пропаганду среди калмыков. Частичный успех среди ставропольских калмыков имел Пугачев и приближаясь к Царицыну.

Астраханский губернатор Кречетников прислал на подкрепление в Царицын 3.000 астраханских калмыков под командою полковника кн. Алексея Дундукова. Его тотчас послали навстречу Пугачеву вместе с небольшой регулярной командой и полком Донских казаков под командой донского старшины Кутейникова. 15 августа с р. Пролейки Дундуков с отчаянием писал в Астрахань: «понеже из находящихся при мне Волжского и Донского войск казаков, кроме походного полковника Кутейникова и некоторых старшин, многие в их к Ея Имп. Величеству верности оказываются сумнительны... прошу обещанными войсками подкрепить, как нансканее, ибо я, кроме регулярной команды и калмык, на казаков совсем надежды не полагаю, а опасаясь, дабы в самом з зладеем действии не зде-

лать, через таких вероломцев интересу Ея Имп. Вел. предосуждения»... 102).

Предчувствия не обманули главу астраханских калмыков. 16 августа устояла до конца против Пугачева лишь драгунская команда в 60 чел., а часть казаков и калмыков передалась к Пугачеву, остальные же бежали.

Вслед затем в Дубовке присоединился к Пугачеву калмыцкий владетель Ценден с 3.000 калмыков.

Кречетников спешно укреплял Астрахань. «А кочующих здесь калмык», — писал он 20 августа, — «спасая их от разорения, паче же от соединения с злодейской толпою, велено ныне всех с их скотом удалить к морю, в мачаги, а иных перевести в близость к Астрахани, на луговую сторону, и расположить кочевьем по островам, ибо злодейское намерение есть итти сюда и на Яик, на Терек и в Горские места» 103).

Пугачевец «Дубровский» (Трофимов) полагал, что победа Пугачева на р. Пролейке была им одержана «по трусости казачьего войска, а особливо калмык, которые, не дравшись, бежали» из отряда Дундукова 104).

Мы знаем, что дело было не в трусости, а в **нежелании** тех и других драться с Пугачевым. Все Волжское войско перешло к Пугачеву, который наказным атаманом поставил им депутата Законодательной Комиссии Вас. Венеровского. По личному своему усердию явился к Пугачеву «походный атаман Волжского войска Иван Попов из-за Волги и Дмитриевску, что на Камышенке, со всею своею командою, получил чин и мѣдаль» 105). Уже в октябре 1775 г. были найдены списки «Дубовского полка» Пугачевского войска, в котором были перечислены почти поголовно казаки всего Волжского Войска 106).

По описанию майора Салманова, пугачевцы шли «из Камышенки Волским Войскам через их четыре городка; каждое местечко со многоядным собранием, и при них священники, встречали жь со крестами и с радостными поздравлениями; а особливо в главном их городке Дубовке, целым собором, старшины и казаки, все в лучших платьях, с знамѣнами, показывали радостный вид» 107).

Интересно отметить, что, как и Яицкие казаки, Волжское казачество стояло за старую веру. Войсковой атаман Макар Персидский, войсковой писарь Савельев и старшины покровительствовали раскольникам. Последние открыто проповедывали, что «ныне православной веры нигде нет», что, кроме такого уединения, в каком живут они (в пределах Волжского Войска), истинного пути сыскать невозможно. Поступавшие в скиты должны были торжественно проклинать «все настоящее в Российских церквях правоверие» Такими настроениями легко объясняется, почему борьба за казачью волю соединялась на Волге с борьбой за свободу веры.

Таким образом, созданное за 40 лет до того, служилое казачье войско Волжское, принял Пугачева 108).

102) «Пугачевщина», т. II, с. 281-283.

103) «Пугачевщина», т. II, с. 284-5.

104) Пугачевщина», т. II, с. 222.

105) «Пугачевщина», т. III, 313.

106) Мордовцев, т. I, с. 193.

107) «Пугачевщина», т. II, с. 218.

108) Указом 15 января 1734 г. добровольно записавшиеся для переселения с Дона на Волгу, близ слободы Дубовки, 1057 семей донских казаков получили права и наименование Волжского (Волжского, Вольского) казачьего войска. Они получили **назначенного** войскового атамана, но с правом все свои дела решать на Круге и посылать станицы в Москву или Петербург. «Акты», ген. Лишина, т. II, ч. I, с. 75.

99) «Пуг-на», т. III, с. 79.

100) «Пуг-на», т. III, с. 302.

101) «Пугачевщина», т. II, 280-281.

Нужно отметить, что главное ядро этого войска составляли донские казаки, добровольные переселенцы начала 1730-х г. г. Колелебание обнаружили и **новохоперские** казаки, жившие в районе Новохоперской крепости и входившие в состав так называемого Новохоперского казачьего полка. Это были потомки донцов, принимавших участие в восстании Булавина и проживавших на юртах городков Пристанского, Беляевского и Григорьевского. Юрты этих уничтоженных Петром I городков были присоединены к Воронежской губернии и в центре их создана была (для удержания северо-западной части Земли Войска Донского в повиновении) Новохоперская крепость. На эти-то земли Новохоперской крепости и были «призваны» охотники из донских казаков и из слободских «черкас» (украинцев), ставшие новохоперскими (служилыми) казаками 109).

Комендант Новохоперской крепости бригадир Аршеневский не очень верил в верность новохоперских казаков, поселенных в слободах Градской, Пыховки, Алферовке и Красной. Тем более, что часть этих казаков, посланных в отряде подпоручика Гребенникова из крепости к городу Верхнему Ломову оказалась быстро в отрядах пугачевцев (казачий сын Тимофей Бильдиев, казаки Арбузов, Булавинов, Шилов, Щекин, Иетлеанов и др.). Впоследствии новохоперцы уверяли, что их взяли в плен и заставили служить пугачевцы, но начальство им (и не без основания) не поверило 110). Особенно обеспокоился Аршеневский, когда к нему в крепость прискакал с Дона тот самый полк. Себряков, который должен был организовать защиту Дона от наступавших на него пугачевцев.

Тревожилось начальство и за «пикинерных» казаков, посланных с фронта к Москве. П. И. Панин напоминал Екатерине II, что «из сих званий полков при командовании мною 2-й армии, был один в возмутительном преступлении, который мною и усмирен; да и все они о превращении их из казачьих в пикинерные немалое негодование оказывали, а и вновь пред войной сделанное об них учреждение о содержании себя собственно о своих селений не было таково, чтобы они довольно (довольными) себя почитали... Во время русско-турецкой войны пикинерные казаки, правда, получали полевое жалованье, пособия из экстраординарной суммы и военную добычу, но Панин не смел надеяться, «чтобы они теми от войны выгодами могли истребить совсем прежний свой ропот, удобный теперь вновь поощрен бунтовщическими прописками и примерами» 111). Несмотря на эти опасения, два пикинерных полка с турецкого фронта, из 2-й армии, были брошены через Воронеж в Касимов, прикрывать путь от Волги к Москве 112).

Интересно отметить, что «малороссиане», поселившиеся слободами на Юго-Востоке (до Волги и за Волгой), поддерживали Пугачева. Многие из них пошли за ним, или за его «полковниками» (слободы Романовка и Макашевка в Борисоглебском уезде, «малороссиане» в Покровской слободе под Саратовом, в Дмитриевске на Камышинке и т. п.). Среди пугачевцев были «малороссиане» Нежинского полка, запорожцы из

освобожденных пугачевцами ссыльных. Наконец, большие надежды возлагались на Пугачева, закрепощавшимся все более и более крестьянством самой Украины 113).

Что касается Слободской Украины, то тамошний губернатор писал 28 августа 1774 г. (из Острогожска) гр. Панину, что «без войска дальней благонадежности чаять не можно, ибо приметна слабость народная, — если не преданность к злодею, то робость в супротивлении». Впрочем, сообщая по секрету Панину уведомление с Дона Бринка и Багратиона о ненадежности донцов, Щербинин писал, что «ближе уверятца в их (донцов) поступках» ему, Панину «известнее, нежели на слухах, происходящих от аднаво дерзкава языка» 114).

Сама Екатерина II не опасалась за гетманскую Украину. Наоборот, через Сенат, она повелела Малороссийской Коллегии (15 января 1777 г.) отправить к Казани тысячу малороссийских казаков. В письме к ген. Бибинову, в тот же день, она поясняла: «В сих (малороссийских казаках) истари ненависть примечена к Яицким, а употребить их будете как знаете» 115). У нас нет сведений, насколько оправдались ожидания Екатерины относительно взаимной вражды «малороссийских» и Яицких казаков, но нам известен случай, когда драгунский капитан Елшин, действовавший в «Танбовской» провинции против пугачевцев, жаловался Панину: «А состоящая в команде моей малороссийские казаки не только, чтоб нападающим злодеям делать сопротивление, но как только увидели их приближающихся к команде, то третья часть от страху в лес разбежались... И в этом случае был, конечно, не страх, а нежелание сражаться против Пугачева 116).

Что касается Запорожья, то сам Пугачев вспомнил о нем очень поздно; переправившись через Волгу с небольшим числом яицких казаков, он сказал им: «Я думаю итти вниз по Волге и собрав на ватагах хлеба, пробраться морем (!) к запорожским казакам, а там блиско есть у меня знакомья два князька: у одного наберются войска тысячь с семнадцать, а у другога тысячь с десять, они за меня, верно, вступятся» 117).

Весть о «запорожских» планах Пугачева не озаботила правительства, да и дошла до него, когда все уже было кончено, но появления его в Астрахани и на Кавказе оно очень опасалось. Астраханский губернатор Кречетников, в половине августа, отказывался послать в Царицын хоть одного человека, сам же требовал у генерал-поручика де-Медема с Кавказа обратно своих 1500 ч. калмыков, да еще «воинских сил, регулярных и казаков, достаточное число». Он умолял де-Медема «подвиги свои и нападения в неприятельских жилища на некоторое время или до обращения отсюда войск удержать»...

Кречетников пояснял: «принужденным нахожусь оставатца в Астрахани с малым числом военных людей для сохранения здешняго города, особливо ж и удержания от могущаго быть по тому усилившемуся злодейству волнования и смятения в народе, где неистовых збродных бурлак да и азиатцев, живущих и приезжих людей разных родов, так же и в содержании колодников состоит немалое число» 118).

О том же, еще в начале пугачевщины (2 ноября 1773 г.) предупреждал Военную Коллегию астраханский обер-комендант г.-м. Левин, требуя увеличения здесь числа войск. Он пояснял: «Здешний Астраханский край по нынешним воинским обстоятельствам подвержен наивсегдашней опасности от нечаянных горских, кубанских и киргис-кайсацких воровских на-

109) «Акты» ген. Лишина, т. II, ч. I, с. 81.

110) «Пугачевщина», т. III, с. 168-170.

111) Грот. «Матер.», прил. к III-му тому Зап. Им. Ак. Наук, № 4, СПб 1863, с 12-13. Пикинерными назывались легко вооруженные кавалерийские полки из так наз. Новослободских (малороссийских) казаков, поселенных сперва (1753 г.) около крепости св. Елисаветы, а затем и при других крепостях т. н. Днепровской линии. Полки эти начали организовываться (место казачьих) с 1764 г. Скальковский. «Ист. Нов. Се-чи», 1846, т. II, с. 324, 369; т. III, т. 13, 57, 87; 103, 127. Естественно, что перевод новослободских казаков в поселяне, а службы их из казачей в регулярную, вызывали их усиленные протесты, даже во время русско-турецкой войны 1769-1774 г. г.

112) «Пугачевщина», т. III, с. 275.

113) Ср. «Пугачевщина», т. II, с. 341; т. III, с. 71, 164, 166, 218, 199; Пионтковский о крестьянских настроениях 1774-го года «Историк-Марксист» 1935, № VII.

114) «Пугачевщина», т. II, 243.

115) Сб. И. Рус. Ист. Общ., т. XIII, с: 382:

116) «Пугачевщина», т. III, с. 162.

117) «Пугачевщина», т. II, с. 155.

118) «Пугачевщина», т. II, 285.

бегов, о колебленности которых... неоднократно ко мне доносится: что он сих орд в больших силах собрании чинятся для произведения злодейств в российских границах.... 119). О тревожном положении на северном Кавказе сообщали в ноябре-декабре 1773 г. и Кизлярский комендант Штендер — в Государственную Коллегию Иностранных Дел — и «находящийся при Едичкульской (Ногайской) орде приставом поручик Павлов» 120).

Немудрено, что Кубань беспокоила начальников войск, боровшихся с Пугачевым. Преемник Бибикова запрашивал ген.-м. кн. Багратиона «не оставлять без уведомления о всех случившихся важных происхождении в стране Кубанской так, как и в сем крае, врученном вам в стражу» (т. е. в задонской степи) 121).

Уверенность в том, что Пугачев пойдет на Сев. Кавказ была такова, что Канцелярия Войска Донского 26 августа 1774 г., т. е., получив вести об отражении Пугачева от Царицына, писала Воронежскому губернатору: «Злодей перебирается за Кубань, и опасности от него донским станицам нет» 122.). Между тем, командующий войсками на Кавказе де-Медем двинулся к Кизляру, готовя силы против Кабарды и черкесов. А глава Секретной Комиссии Пав. Потемкин послал на Кавказ премьер-майору Горичу предложение ехать в Кабарду и в воззвании своем обещал за живого Пугачева — 30.000 руб., за мертвого — 5.000 р. «Всем же тем, кто пребудет в верности князьям кабардинским и черкесам — медали и грамоты, для вечной им чести» 123). Горич не доскакал до Кабарды, так как узнал о пленении Пугачева. Так «медали и грамоты» оказались не нужными.

Наиболее подробные сведения о маршруте Пугачева к Дону и о планах его в волжский период гражданской войны дал правительству (в лице нижегородского губернатора Ступишина) некий Аристов. Он был схвачен при разведке в нижегородско-московском направлении и 25 июля 1774 г. показал, что Пугачев, переправившись в Сундыре на правый берег и узнавши, что Нижний укреплен, а в Свияжске переправился гнавшийся за ним отряд, решил вместо Москвы, идти «к Донцу и Дону... минуя Пензу, на Усть-Медведицу и через станицы: Качалино, Малые Чиры, Большие Чиры и Пятиизбинскую. А и с сей последней станицы намерен послать в Царицын осмотреть, не можно-ли будет оттуда получить пушек с припасами, с коими маршировать до Черкасского и, там будучи, по способности возмутить Белгородскую и Кубанскую орды и, умножа силы, обратиться к Москве» 124). Этот Аристов, беглый солдат, из мелкопоместных дворян, видимо, играл у Пугачева более видную роль, чем та, которую он приписал себе при допросе, и был **весьма** осведомлен 125). Осуществление этого плана могло бы произойти, если бы Пугачев не боялся, как и в первый (Оренбургский) период войны, оставлять у себя в тылу непокоренные крепости с гарнизоном. На пути к Москве от Казани его смутила весть об укреплении Нижнего, а подойдя к Дону, вместо того, чтобы идти прямо к Черкаску, по казачьим землям, он повернул налево, брать укрепленный Царицын. Дать же ему успех могли лишь быстрые кавалерийские рейды. Вместо этого, обросши пешими, почти безоружными отрядами крестьян-повстанцев, он замедлял свои

движения и терял от этого вдвойне: и стратегически, и политически.

Для того, чтобы судить о том, в каком положении был Дон, войсковое правительство и сами донцы, нужно напомнить, что на войне с Турцией было 44 пятиотенных полка, не считая нескольких стоявших на Кубани (в 1773 г. был набег части нагайцев на Романовскую станицу). В самый тревожный момент пугачевщины донской Краснощекова полк был двинут из Москвы к Нижнему, а два полка пошли один из Петербурга, другой из Новгорода. В феврале 1774 г. в Казань к Бибикову пошел полк Ильи Денисова. Один полк был «в корпусе, в стороне Оренбурга» 126). Словом, почти поголовно все активные и боеспособные казаки находились вне пределов родного края. Оставались на Дону или старики, или малолетки. В этот момент Пугачев и явился на Дон.

На 60-тиверстной «Царицынской» линии (между ст. Качалинской и Царицыном) стояло 1200 ч. донцов под командой атамана Перфилова. Комендант Царицына Цыплетев стал стягивать их к крепости и спешно просил о помощи у наказного атамана Войска Донского Сулина. Тот мобилизовал всех казаков, живших по станицам до отставки на льготе, на пространстве от Манычской (Манюхой) до Терновской станиц и из Донецких станиц, сформировав из них 2 полка: Макара Грекова и Якима Карпова. Из возвратившихся с Кубани на льготу полков: Павла Кирсанова, Матвея Платова и Якима Уварова была выбрана тысяча человек добродетельных, т. е. два полка, Кирсанова и Платова и посланы к Царицыну.

Еще раньше, 10 августа Войско стало собирать 1.000 человек для отправки в Воронежскую губернию под командой (по личному желанию Григория Потемкина) полк. Алексея Иловайского. Сверх того, Войско разослало грамоты всем старшинам по Дону, Хопру, Медведице и Бузулуку с приказанием собрать всех служилых казаков и выростков, выступить с ними в поход к верховым станицам и состоять в команде армии полковника Себрякова. Этот честолюбивый старшина, сумевший при Петре III путем противозаконного высочайшего повеления отхватить у Войска в личную собственность яко-бы пустопорожний юрт целой станицы Кобылянской, оказался плохим организатором.

Сам он собрал из нижних медведицких станиц лишь 200 казаков к станице Скуришневой. Сам же почувствовал себя больным, забрал семью и поскакал в Новохоперскую крепость, передав распоряжения в руки отдельных старшин. Сулин, узнавши о болезни Себрякова, послал старшину Луковкина заменить его. Луковкин не нашел в ст. Арчадинской **ни одного** казака. Казаки толковали, что идет подлинный Петр III, а старшины действовали нерешительно. Луковкин собрал с Хопра и Бузулука 3 полка, один взял себе, другой поручил Максиму Янову, третий Андрею Вуколову. Впрочем, во всех 3-х полках было не более 550 чел.

Между тем, Себряков послал со ст. Михайловской бригадирю Аршеневскому, коменданту Хоперской крепости рапорт, прося позволить ему «с фамилиею воюющую крепость», ссылаясь на свою «жестокую лихорадку». Он сообщал, что 16 августа вернулся к нему из верхних Медведицких станиц старшина Кулбаков и объявил, что «ему за приближением к нему до двух тысяч злодейской толпы с малою командою устоять не можно, — в присылке нюткуда казаков; из тамошних Медведицких станиц казаки стали каждой спасать живот свой». Янов и Вуколов писали, что они, не имея за неспособностью надежности в людях, вдаль идти не усомнились, а из верховых Медведицких станиц не только никакого воспоможения, но и по требованию людей им не давали. Также напряженных их в команду на одного человека не выслали и, к немалому сумнению и опасности, ту злодейскую толпу принимают встречу с хлебом и солью, и знаменами; да из

119) «Пугачевщина», т. II, с. 425.

120) Там же, с. 452.

121) «Пугачевщина», т. III, с. 250.

122) «Пугачевщина», т. II, 391.

123) Воззвание от 3 сентября 1774 г. было адресовано князьям Мисостову, Каптукину, Атажукину и Татарханову, бесленейскому владельцу кн. Салукову; кубанским владельцам Мурзабекову и Мурзе Дудару-ке Кулмаметеву.

124) «Пугачевщина», т. II, с. 358.

125) К Пугачеву он бежал из Моздокской крепости и добрался к нему на Урал.

126) «Пугачевщина», т. II, с. 398, т. III, с. 129, 275, 79; Грот, «Мат.» 1862 с. 58.

других мест козаки высылались с крайней медлительностью» 127).

Получив этот рапорт Себрякова и другой от походного есаула Озерова, что толпа Пугачева «до тысячи пятисот человек идет вниз по р. Медведице, заняла Березовскую станицу, и что выступившие против еѣ донския, в числе четырехсот, казаки противитца не могли и отступили», Аршеневский, через воронежского губернатора умолял г.-м. Чорбу спешить на выручку (Ново)-Хоперской крепости, выступив хотя бы к Тамбову; «так же, — пояснял он, — способ будет и к отражению зладея от внутренности Войска Донского» 128).

Если Пугачев, идя на Царицын, действовал более, как воин, нежели как политик, не желая оставлять у себя в тылу крепость, то еще менее политиком оказался он, не снабдивши отряды свои, вступавшие в Землю Войска Донского, строгим наказом — привлечь к себе казачьи сердца. «Толпы», ворвавшиеся на Донскую территорию, несли казакам не мир, но меч. Одна из них шла по Иловле, другая — по Медведице, третья — по Хопру. Пугачевцы шли, все разоряя и грабя. Были заняты станицы Березовская, Малоделская, Заполянская, Орловская, Раздорская и Етеревская. Пугачевский полковник Яков Андреев, из беглых солдат, «будучи во оных станицах, вешал знатных людей и чинил немалые грабительствы и разорения». Была ограблена и крестьянская слобода Красная Яровка на р. Медведице.

Другой «полковник» Вас. Акаев, из заводских крестьян, не оценил того факта, что к нему «по приезде ведомства Войска Донского на р. Медведицу набрело более 300 чел.», обращался с казаками, как с врагами: в Березовской станице, «переночевав, оставили тамо своих худых и усталых лошадей, а вместо их, пригнав станищной табун, взяли лутчих казачьих и один станищной бунчук»; в ст. Малоделской хотели повесить попа, но по просьбе казаков не повесили, за то пове-

сили нескольких казаков; в ст. Заполянской жестоко избили станичного атамана и двух стариков за то, что те не могли снабдить их сеном и овсом 129). Немудрено, что казаки старые и малые, бросив дома, стали разбегаться и прятаться в лесах.

Между тем, Филоновская станица готова была уже поддержать пугачевцев и пересылалась с «полковником» Як. Соловьевым и «атаманом» Константином Лосевым 130).

Уже после отражения Пугачева от Царицына «пестранно аттестовали себя» 50 ч. донцов есаула Устинова, присоединенные к отряду капитана Бутримовича, вышедшему из Новохоперской крепости. Отряд разбил пугачевского атамана Константина Дмитриева. При попытке определить, что именно было отбито у грабителей «есаул Устинов, набежав своими казаками (на составлявшего опись офицера) хотели заколоть до смерти и, установили вежи со всех сторон своими дробниками, и всячески ругательными словами бранил; а как уже и смерлось. то много раз проскакивая мимо того, поручика, проговаривал: Где тут поручик? Заколю, так пропадет (в) место собаки! Он хочет меня здесь обидеть!... Затем Устинов, «въезжая в господский дом Волосатова, брал, что хотел»...

Донося об этом Аршеневскому, поручик Хрущов не без основания полагал, что бояться надо не столько «злодеев», сколько донских казаков 131).

Походный атаман Амвросий Луковкин, чтобы двинуть с места свои полки, потратил целый день на уговоры. Он собрал круг походного войска, заставил бывших в плену и бежавших от Пугачева казаков рассказывать, кого собственно они видели... Вести о разорении станиц и отобраении казачьих лошадей пугачевцами подкрепили перелом в казачьих настроениях. Донцы сели на коней, сделали ночной переход в 80 верст и разгромили пугачевцев в ст. Етеревской (17 авг.). Через 2 дня при кургане Карац у ст. Малоделской Луковкин разбил другой отряд (19 авг.).

30 авг. последовал его новый удар близ р. Медведицы, где было убито 500 и взято в плен 100 ч. Наконец, 12 сент. в Балане, уже в Пензенском уезде, Луковкин разбил отряд в 1000 чел. Земля Войска Донского была освобождена от пугачевцев.

Однако, **решительная** встреча самого Пугачева с донцами произошла под самым Царицыном, и это она поставила конец и его планам и его политической карьере.

129) «Пугачевщина», т. II, с. 341, т. III, с. 75.

130) «Пугачевщина», т. II 409, т. III, с. 99.

131) «Пугачевщина», т. II, с. 409.

Владимир Куртин

С Владикавказским кадетским корпусом

(Окончание).

Во дворе корпуса толпились молокане, грузины, осетины... Одни из них водили в поводу понурых кляч, собранных, вероятно, со всей Терской области для спешной продажи «недорезанным буржуям». Другие хлюпотливо возились около арб и повозок. Третьи что то горячо доказывали корпусным офицерам. Здесь же бродили и кадеты старших классов.

Ко мне подскочил жуликоватого вида осетин.

— Господин офицер, вы хорошо понимаете кони?... Скажи господин полковнику: мой конь очень карош!.. А 30000 рублей — ой, ой, как мало!...

Осетин отъезжал от дерева старую клячу, ткнул ее в бок, огрел несколько раз плетью.

— Посмотри, очень карош! Очень карош!

— Да кому ты ее продаешь? — улыбаясь, невольно спрашиваю осетина.

— А господин полковнику!.. Сейчас будет при-

шел. Пошалоуста скажи: «ай, какой карош конь!» Вам поверил будет...

— Но зачем ему лошадь?

— Как зачем? Удивляется осетин. Скоро большевик пришел, господин полковник айда в Грузию пошел!.. Понимают?

— Не доедет он на этом коне до Грузии.

— Ой, не надо!.. Пошалоуста не надо так скажи! Скажи — карош! Вам господин полковник поверил будет... А вот и господин полковник! Господин полковник!.. Господин полковник!.. — И осетин волчком завертелся около распухшего, как от водянки, полковника.

В другом месте солидный, хмурый молоканин продавал старую повозку. Два молодых офицера внимательно рассматривали повозку, трясли колеса, постукивали по спицам.

— Не довезет, — сокрушенно замечает один, скорчившись под повозкой и стараясь повернуть болт.

— Не довезет, — соглашается другой, приподнимая дышло.

— Чаво не довезет... куды хоть довезет! Были бы кони, — тянет на распев молоканин, — Арба о двух колесах, а тоже дорогу сносит, а тут четыре... Да и прошу то я с вас — почти даром отдаю. Потом большевики придут, на чем бежать будете?!

«Помилуйте, какая эвакуация?» Вспомнил я утренний разговор с директором.

Офицеры корпуса, очевидно, не были склонны ожидать официального объявления об эвакуации. Они продавали свои вещи, покупали арбы и повозки, скупали «валюту».

Ко мне подошла группа кадет.

— Вот видите, г. есаул, сами повозки покупают, салом пятаки подмазывают, а спросишь кого: эвакуируемся мы или нет? — отвечают: — Какая там эвакуация?... Лучше уроки учите!... — А какие уж тут уроки! Не об уроках думаем...

Директор каждый день ездил в штаб и приезжал хмурый, нервным. Начальник хозяйственной части торговался с подводчиками. Вопрос об эвакуации, очевидно, подвинулся вперед, но официально ничего не объявляли. «Пустых» уроков становилось все больше. Воспитатели замешали «пустые» уроки только в журнале и «пустые» уроки оставались действительно пустыми. Кадеты распустились окончательно. Уходили в город, никого не спрашиваясь, возвращались, когда хотели. Веди себя дерзко, вызываясь, ругались матерщиной... Однажды ночью перепились так, что их не могли усмирить и воспитатели. Некоторые офицеры боялись и на глаза им показаться...

Хороши были только самые маленькие. Да кучка казаков, хотя и не менее буйная, чем остальные, но доступная, по-казачьи дисциплинированная.

Первое мое дежурство по 4 роте останется у меня навсегда светлым воспоминанием.

Вечером после ужина казачата собрались в классную комнату. Я сел на парту, а они облепили меня, точно воробьи. Один просит прочитать им чтонибудь, другой рассказать, третьи предлагают сами рассказывать. Наконец, остановились на том, чтобы я рассказывал что либо.

— Что же вам рассказать? спрашиваю их.

— Про войну!... про войну!... Закричали кадеты.

— Про какую войну — с турками, немцами или большевиками?

— С турками! С турками!...

— Почему непременно с турками?

— Та война была хорошая, — ответил один из кадет...

— То есть, как хорошая?

— А так, уверенно ответил сунженец. С одной стороны, значит, мы; с другой — турки. Наш царь говорит, что наше войско храброе, а турецкий, что их. Ну, да куда им, туркам-то! Мой дедушка рассказывал, что он даже пашу ихнего в плен брал!...

— Это должно быть так красиво, не по-детски задумчиво говорит самый маленький кадет. Генералы на конях раз'езжают, знамена развеваются, барабаны б'ют... А тут... только убивают, да вешают, а не воюют...

— Да станицы нам жгут, — поддержали другие.

Разумеется, в своем рассказе о войне с турками я постарался изобразить все так, чтобы вышла картина до некоторой степени соответствующая их представлению о той «хорошей» войне.

А потом, когда я уложил их спать и в полумраке увидел на бедных, голых кроватках их колено-преклонные фигуры мне сделалось так хорошо и вместе с тем так больно, что хотелось плакать. Жаль стало до слез этих несчастных детей, которых может быть уже через несколько дней повезут, вернее, поведут куда то в темную неизвестность. Быть может они рассеются по всему миру и в лучшем случае бу-

дут чистильщиками сапог по улицам чужих городов... Тогда уж, наверное, забудут они слова святой «мариной» молитвы... «Покрывающа и соблюдающа сим от всякого зла»...

Вышел во двор. Ясно доносился шум пьяного города. Пробежал по шоссе бронированный автомобиль. Где-то протрещало несколько выстрелов. Прощмыгнула небольшая партия кадет, очевидно, возвращающихся из «самовольной» отлучки.

Подошел шт.-капитан К. с пятью кадетами. Все с винтовками.

— Что это? — спрашиваю штабс-капитана.

— Обход! — улыбается тот. По телефону из штаба сообщили, что в эту ночь ожидается нападение или ингушей, или зеленых.

— Да это они (штаб) почти каждый вечер сообщают, — заметил один из кадет.

— А если и нападут, то не на корпус, а на офицерские квартиры, — добавил другой. — Чего они в корпусе будут искать...

— Ну и в офицерских квартирах немногим поживутся!...

— Найдут таких, где даже очень есть чем поживиться, — возразил шт.-капитану кадет.

— Г. есаул, а когда эвакуироваться будем?

— В штабе говорят: все зависит от фронта...

— Ха, ха, ха!.. рассмеялся кадет. «От фронта!» Как будто мы не были на фронте. У меня этот «фронт» и сейчас в плече сидит! Хотите, покажу?...

Скидывает один кадет гимнастерку, а в темных, красивых глазах его искрится злоба.

— Ну, скажите, г. есаул, разве мы с походом «на Москву» не повторили времен крестоносцев? Тогда слали детей на смерть за святой гроб, а теперь за «святую Русь»... А «святая Русь» нам и дала под мягкое место.

Кадет сплюнул. Машинально полез рукою в карман за папиросами. Замаялся.

— Курите, если не можете без тоог!...

— Простите, г. есаул, я еще «молокосос», но нервы у меня старые...

Кадет отвернулся. Жадно потянул несколько раз. Смял папиросу пальцами.

— Сами удирают, а нас, как институток, сказками кормят.

— Подводки нанимают, валюты приобретают... Ну, а с нами то что будет?

— Что будет?... — насмешливо отозвался другой кадет. — Будет так, как генерал П. говорит: уж что-нибудь да будет!...

— Это «так точно», засмеялись другие. — С нами что-нибудь да будет, ну, а из нас уж ничего не будет...

— Всего насмотрелись.

Вскинули винтовки, подтянулись.

— Счастливо оставаться, г. есаул, идем «нападение» ждаты!...

— То-то перепугаются ингуши!...

Штабс-капитан смущенно улыбнулся, кивнул головой: «каковы, мол», и поплелся за кадетами.

Начальник хозяйственной части корпуса сделал офицерам корпуса доклад о положении. «Положение» это, по его словам (да и без его слов) было действительно хуже губернаторского. Переговоры с грузинским правительством привело лишь к тому, что оно согласилось пропустить корпус, но и только. А из денежных знаков будут принимать только золото, донские и николаевские, конечно, по курсу, какой они (грузины) в тот момент установят. Командующий же денег не дает, да и о самой эвакуации говорит неохотно. Все же он (докладчик) надеется получить столько, что каждый семейный офицер сможет нанять повозку, а холостые — арбы.

Офицеры, не все, конечно, почему то не особенно верили той части доклада, в которой говорилось о деньгах и о жалованьи... Но эвакуироваться, «хоть к чорту на рога», хотелось всем страшно. Впрочем,

пашлись и такие, которые заявили, что останутся.

Так, в атмосфере слухов, ночных вылазок кадет в город, ликвидации их буйных выступлений по возвращении и спешных приготовлений к бегству прошел февраль. Из города мимо корпуса один за другим пробегали легковые экипажи, грузные молоканские фургоны, автомобили... Все это направлялось к горной трещине в горах — Военно-Грузинской дороге.

4 марта было приказано готовиться к эвакуации. 5-го рано утром, перед корпусом выстроилась длинная вереница фургонов, повозок и арб...

Тронулись. Впереди вдруг защелкали выстрелы. Молокане начали поворачиваться назад. На повозках плач, крики...

— Ингуши!...

Вперед выступила рота кадет старших классов. Пронесся броневик. Скоро вернулся.

Ингуши действительно обстреляли одного «недорезанного буржуя».

Длинный обоз под скрип осетинских арб, крики погонщиков, плач детворы на повозках и напутственные пожелания провожающих отправился в изгнание.

Рота кадет, как прикрытые, все время шла в стороне обоза. Как шли те мальчики, как кормились, где и как спали, какие перенесли лишения и страхи, то знают только они сами. Младшие же кадеты, между которыми были и 9-10-летние мальчики, на том своем исходе из родного гнезда растянулись по всей Военно-Грузинской дороге от Балты до Мцхета. Кутаясь в своих длинных бурочных шинелях, ползли они от станции то группами, то в одиночку... Мимо них проносились экипажи, громыхали крытые фургоны, скрипели арбы... Спешили... спешили... поскорей перейти Дарьяльский мост, поскорее укрыться от наблюдательных глаз ингушей, все время маячащих по горам — вправо и влево от дороги. А кадеты черными призрачками двигались по суровому шоссе, подтягиваясь к станции к тому времени, когда в ней не было уже ни одного свободного места для ночлега, и они, расхватав ужин, смертельно усталые, сваливались под оградой осетинских дворов или под повозками.

Нельзя сказать, чтобы директор не заботился о кадетах. Но что он мог сделать при том хаосе, который тогда царил на этом единственном пути исхода беженских масс с северного Кавказа и который он видел, да еще при том общем психозе распыления, охватившем бежавших. Всем хотелось быть в одиночку, незаметным. Хотелось как можно скорее освободиться от общества озлобленных, в конце изнервничавшихся пайщиков общего бедствия.

Каждый фургон, переполненный домашней рухлядью, женщинами и детьми, кадеты провожали бранью, а за пролетками и экипажами, увозившими «недорезанных», часто летели и камни.

На Дарьяльском мосту происходила «стрижка», — уравнивание всех чинов, классов, сословий и общественных «положений» обанкротившейся черной России, убегающей от красной под крылышко и признание «кинто». Оружие или сдавали грузинскому караулу или бросали в Терек, погоны срезывали. И на сторону Дарьяльского моста сливалась уже беженская шпана.

Грузинские офицеры были предупредительны и корректны. Конечно, без инцидентов не обошлось. Но трудно было избежать инцидентов в толчее и спешке, к тому же с паническим настроением, беженской массы.

В Мцхете корпус подобрался. Подождали оставших кадет, выбрали больных. В поезде кадеты опять были детьми, живущими непосредственными впечатлениями, живо интересующимися только явлениями и событиями дня и новой с каждым днем обстановкой.

Простояв несколько дней в Боржоме, корпус переехал в Кутанс, где и был водворен в казармы Волгского полка.

Я не был раньше знаком с внутренней жизнью корпусов. В моем представлении все вообще кадетские корпуса были привилегированными учебными заведениями, где учились дети привилегированных классов и где из них вырабатывалась всероссийская белая косточка, без каких либо подразделений и группировок. Но уже во Владикавказе заметил, что не казаки кадеты держатся в стороне от казаков, а эти последние спаяны между собой общим чувством какой то обиды, оскорбленности, какого то стремления быть постоянно в стороне от первых, не даваться. Не дать в обиду себя и свое. В Кутансе это подразделение на казаков и не казаков, число коих увеличилось с присоединением полтавского корпуса, приняло уже совершенно определенную форму двойственности, как это бывает в учебных заведениях, где учатся дети разных национальностей, из которых одна считает себя (по праву или нет) выше другой.

Правда, это было в ненормальное время, но как раз в такое «ненормальное» время резче выявляются основные психологические черты каждого народа. Сказывается это и у детей.

Кадеты старших классов рвались в Крым. Но это не был порыв первых дней романтической борьбы «за Русь Святую». Им просто хотелось к своим:

— Там наши отцы и братья!

Директор прекрасно понимал обстановку. В Грузии корпус оставаться не мог. Правительство независимой от России Грузии не желало видеть у себя русский кадетский корпус, это одно. А правительство коммунистической России не желало видеть независимую Грузию — это другое. В долговечность Крымского сидения никто не верил. И совершенно оправданно директор настаивал о переброске корпуса в Сербию. Но т. к. в высших сферах было «все хорошо, все слава Богу», то корпус под зарево пожара нефтяных пароходов в Батумской пристани, переволокли в Крым.

Здесь, в дворцовых корпусах Ливадии, под неусыпным надзором зеленых, дети должны были ожидать последнего акта трагедии, под названием:

— Борьба русских с русским за Россию.

Или: Казачье во чужом пиру похмелье.

В корпусе шли какие то занятия. В горах над Ливадией постреливали зеленые. Ялтинский комендант вооружал кадет берданками — для самообороны...

В головах кадет рождались фантастические планы о краже лодок и парусников для бегства на Кавказ, опять в Грузию, или за границу.

Из Севастополя приехал г. Т. ревизовать корпус или директора, который, как будто, не пользовался особым доверием то ли за то, что был слишком демократичен, то ли за то, что для Врангеля оказался слишком не демократичен. Но, демократичен или не демократичен, директор корпуса был человек и генерал, прекрасно понимавший обстановку и желавший только одного:

Если уж не удастся сохранить корпус, как корпус, для «будущей России», то во всяком случае — сохранить детей, как детей, для них самих, а они уже сами определят в будущем, за какую «будущую Россию» будут бороться. И будут ли?

Корпус, уже как Крымский, в конце концов, эвакуировался в Сербию... вместе с армией и ее главнокомандующим... Директор корпуса, приведший корпус в Сербию, был вскоре уволен. Многих бывших маленьких кадет - казачат — я вижу теперь, как активных и идейных борцов за вольно-казачьи идеалы. Не сомневаюсь, что и остальные владикавказцы-кадеты душой и телом такие же вольные казаки, но, распыленные по свету, занятые суровой борьбой за кусок хлеба, еще не обрелись...

Когда же пробьет час выступать на борьбу за свою казачью Родину, а не «общую», они явятся...

Первый Окружной С'езд ВК в Польше

26-го апреля с. г. в Варшаве состоялся первый Окружной С'езд ВК в Польше. Прибыли делегаты от всех шести ВК организаций. Присутствовал Походный Атаман ВК инж. **И. А. Билый**.

В назначенное время все делегаты были в сборе. В сопровождении вр. и. д. окружного атамана инж. **Ф. М. Штовханя** прибыл Походный Атаман. При вступлении Походного Атамана в зал заседаний С'езда войсковой старшина **Н. Чебурашкин** (с наскокой в руке) подает команду: «Казак! смирно! Атаман идет!» Делегаты встают, а войск. старш. Чебурашкин подходит к П. Атаману с рапортом. Приняв рапорт, П. Атаман здоровается с делегатами. В ответ раздается дружное: «Здравия желаем, г. Атаман!» Вслед за этим делегаты поют «Много лет»... После этого П. Атаман жмет каждому делегату руку и занимает место за столом президиума.

Один из делегатов просит разрешить прочитать молитву. Все встают. Читается «Отче наш»...

П. Атаман открывает С'езд вступительным словом:

Вы собираетесь на свой первый окружной с'езд, — сказал он, — в момент исключительно важный — важный и в жизни международной, важный и в жизни Казачества там, на Родине... В международной жизни назревают большие события, в Казачьих Краях там начались перемены... Все это требует от нас величайшего внимания, все это налагает на нас величайшую ответственность и требует своевременных и мудрых решений. Не будете забывать этого и вы во время своей работы на с'езде...

Далее П. Атаман благодарит Польшу и ее Президента за то, что они дали на своей территории приют казачьей эмиграции.

Делегаты отвечают: Да здравствует пан президент.

Вслед за этим с'езд встает и, склонив головы, минутным молчанием чтит память первого маршала возрожденной Польши **Иосифа Пилсудского**.

Продолжая свое слово, П. Атаман сделал обзор и характеристику казачьей ситуации там и здесь, а равно и тех задач, какие стоят сейчас перед казачьим национально-освободительным движением.

В заключение П. Атаман призывал в. казаков к единению, к дружной совместной работе.

Передавая руководство дальнейшей работой с'езда вр. и. д. окр. атамана инж. Штовханю, П. Атаман еще раз желает с'езду успешной работы на благо всего ВК...

В ответ раздаются дружные аплодисменты и крики: Слава Казачеству!..

Принимая руководство с'ездом, инж. **Ф. Штовхань** обращается к делегатам со словом, в котором подчеркивает слишком тяжелое положение Казачества там и здесь. Говоря о раздроблении казачьих сил по разным лагерям, призывает всех казаков к объединению и работе только для себя, для пользы и блага Казачества... «Приветствуя вас, господа делегаты, говорит он, приветствую в вашем лице всех в. казаков в Польше. Призываю вас отнестись к сегодняшнему с'езду со всей серьезностью, т. к. это явление в нашей жизни не обыкновенное и может быть сегодня будут решаться не только наши дела здесь, но, в некоторой степени, и доля всего Казачества. Приветствуя живых, не будем забывать и тех наших братьев, которые отдали свою жизнь за волю Казачества. Перед началом своих работ вспомним о них и почтим их светлую память вставанием (все встают и склоняют головы).

От вольных казачек в Польше с'езд приветствует **А. Т. Чебурашкина**. Подчеркивая роль женщины-матери в жизни каждого народа, она выразила пожелание о плодотворной работе в. казаков и казачек на национальном поле казачьего возрождения, где мать-казачка может и должна сыграть свою огромную роль прежде всего в деле воспитания подрастающего казачьего поколения.

Сотн. **С. Рябцев** приветствует с'езд от Луцкой ВК станицы. Обращаясь к П. Атаману, говорит: «Глубоко

ПЕРВЫЙ ОКРУЖНОЙ С'ЕЗД В ПОЛЬШЕ:

Сидят (слева направо): **Я. И. ХОПЕРСКИЙ**, под'ес. **СКАКУНОВ**; войск. ст. **Н. ЧЕБУРАШКИН**, П. Атаман **И. А. БИЛЫЙ**, окр. атаман **Ф. ШТОВХАНЬ**, **В. БОБРОВ**, **И. А. ПАСТУШКОВ**.

Стоят (слева направо): сотн. **С. Д. РЯБЦЕВ**, хор. **Г. К. ДИКТАРОВ**, **А. М. БАБУНОВ**, **М. АВДЕЕНКО** (гость), **С. Г. БОРОДИН**, **А. М. РОМАНОВ**, **В. ХОПЕРСКИЙ** (гость), **Д. А. МИТИН**, **Л. ПОПОВ**, **Ф. А. САФОНОВ**.

счастлив, г. Атаман, приветствовать Вас, всех атаманов и делегатов по случаю первого окружного съезда. От души радуюсь и всем казачьим сердцем желаю съезду плодотворной работы и успеха в разрешении стоящих перед нами важнейших задач и животрепещущих вопросов нашего казачьего печального зарубежного бытия...

Подх. **И. Пастушков** — от имени Платовской ВК станицы в Кошарах — приветствует Походного Атамана и окружной съезд и желает ему успеха в работе на пользу всего Казачества...

Подх. **Митин** приветствует П. Атамана и съезд от Варшавской ВК станицы и подчеркивает, что казачьим националистам необходима своя ВК организация, а особенно в теперешнее тяжелое время для казачьей эмиграции время. В заключение — выражает уверенность в успехе и плодотворности работ съезда...

Под'есаул **С. Скакунов** приветствует съезд от ВК хутора в Томашувке и желает ему осуществить все желания и стремления вольных казаков, что бы как можно скорее увидеть свои земли свободными и независимыми... Слава Казачеству! Слава Походному Атаману! Слава всем делегатам!..

— Слава! Слава!.. — несется в ответ.

Хор. **Г. Диктаров** приветствует Походного Атамана и желает ему сил и здоровья для работы на пользу всего Казачества, а съезду — успеха...

Председательствующий читает приветствие съезду от ВК Округа в Румынии: «ВК Округ в Румынии приветствует делегатов первого ВК окружного съезда в Польше и желает успеха и плодотворной работы на пользу ВК. Братья вольные казаки! Мы давно следим за ходом ВК движения в Польше и питаем надежду, что сегодняшней съезд объединит все ВК силы там в одну сильную казачью единицу. Слава Казачеству! Слава Походному Атаману ВК! — Окружной Атаман **С. Маргушин**. Окр. писарь **Дремачев**».

Оглашается следующее приветствие: «ВК окружному съезду в Варшаве. Дорогие станичники. Считаю своим долгом приветствовать вас, как представителей ВК организаций, приславших вас решать судьбу казаков, проживающих в Польше. Тяжелая и ответственная задача выпала на ваши плечи — связать всех в казаков в одну могучую семью и предотвратить всякого рода попытки внести раздор во внутреннюю в.к. жизнь и общими силами поднести материальное положение обнищавших казаков. К большому сожалению, не удалось на окружной съезд прибыть представителям тех организаций, которые не смогли до настоящей временности следить за вашей работой и все ваши заботы и трудности над созданием единого окружного органа будут делить с вами. Выражаю глубокую уверенность, что работа окр. съезда пойдет дорогой широкого объединения казаков вокруг ВК идеи. Желаю плодотворной и объективной работы. Да здравствует Казакция. С вк приветом **Вл. Еремеев**»...

Все приветствия покрыты были дружным аплодисментами...

После оглашения приветствий инж. Штовхань читает протокол заседания вр. окр. правления от 25-го апреля с. г. и сообщает, что в Округе состоят:

1. Луцкая ВК станица (мужчин — 24, женщин — 22, детей — 37, всего — 83 души). 2. Варшавская ВК станица (м. — 19, ж. — 11, д. — 18, всего — 48 д.). 3. Августовская ВК имени Атамана Назарова станица (м. — 17, ж. — 12, д. — 27, всего — 56 душ). 4. ВК имени Атамана Платова станица в Кошарах (м. — 18, ж. — 16, д. — 25, всего — 59 душ). 5. Хутор имени ген. **Мамонтова** в Томашувке (м. — 11, ж. — 7, д. — 14, всего — 32 души). 6. Владимиро-Волынская имени Атамана Булавина станица (м. — 20, ж. — 19, д. — 31, всего — 70 душ).

Все эти организации представлены на съезде делегатами:

1. Из Луцка — сотн. **Рябцев** и хор. **Диктаров**. 2. Из Варшавы — подх. **Митин** и **А. Бабунов**. 3. Из Августова — **Ф. Сафонов**. 4. — Из Кошар — подх. **И. Пастушков**

и подх. **Л. Попов**. 5. Из Томашувки — под'ес. **С. Скакунов** и **В. Бобров**. 6. Из Владимира-Волынского — **Я. Хоперсков**.

На съезде присутствуют (согласно статута — с правом решающего голоса) члены вр. окружного правления: инж. **Ф. Штовхань**, войск. старш. **Н. Чебурашкин**, **С. Бородин** и **А. Романов**.

Проверяются полномочия делегатов. Съезд утверждает полномочия всех присутствующих делегатов.

Председательствующий ставит вопрос о выборах президиума съезда.

Председателем съезда избирается инж. **Ф. Штовхань**, тов. председателя — войск. старш. **Чебурашкин**, секретарем — **С. Бородин**.

Съезд принимает далее повестку дня и, после обсуждения поставленных на очередь вопросов, выносит ряд решений:

1. ВК организации в Польше должны строго придерживаться в своей деятельности рамок статута. В свой состав ВК организации должны принимать казаков со строгим разбором, отбрасывая элемент неморальный.

Новые организации в состав Округа могут быть приняты только с предварительного согласия Походного Атамана.

2. Съезд решил твердо держаться программы ВК и идти вместе с П. Атаманом к поставленной ВК цели — созданию своего казачьего государства — Казакции — в границах окружными съездами принятых, не уступая ни пяди казачьей земли никому.

3. Не допускать в свои ряды не казаков и вообще тех, кто мог бы вредить нам или польскому государству. Все не казаки, принятые по тем или иным причинам в уже существующие ВК организации, должны быть немедленно из них исключены.

4. Принять все необходимые меры к тому, чтобы добиться организации в Польше своего собственного казачьего православного прихода.

5. Членский взнос установлен в размере 50-ти грошей в месяц.

Остается последний вопрос повестки — выборы окружного правления.

Походный Атаман тепло благодарит вр. окружное правление за предыдущую работу, приведшую к созыву первого окружного съезда. Съезд присоединяется к этой благодарности.

Объявляется перерыв.

После перерыва, перед выборами окружного атамана, берет слово войск. старш. **Чебурашкин** и, вспоминая о всех невзгодах Казачества в прошлом и трудностях в настоящем, говорит о необходимости единения. В единении сила, а поэтому и в окружные атаманы необходимо выбрать такого человека, который бы сумел объединить всех казаков в одну могучую семью...

Кандидатами в окружные атаманы названы: инж. **Ф. Штовхань**, войск. старш. **Чебурашкин** и **С. Бородин**. Избранным оказался инж. **Ф. М. Штовхань**.

Членами окружного правления избраны: в. ст. **Чебурашкин**, сотн. **Рябцев**, **С. Бородин** и **Ф. Сафонов**. Кандидатами: хор. **Диктаров**, **А. Бабунов** и **И. Пастушков**.

В ревизионную комиссию избраны: **А. Романов**, **Д. Митин** и **Л. Попов**.

Кончая свои работы съезд поручил вновь избранному окружному правлению рассмотреть вопросы: 1. Об образовании фонда для образования казачьих детей и 2. Об организации кассы взаимопомощи.

Перед закрытием съезда он дает вновь избранному Твердо и стойко управлять Округом, заботясь только о благе Казачества, непоколебимо храня рыцарские заветы славных предков — вольных казаков. Окружному атаману краткий наказ:

После окончания работ съезда, для г.г. делегатов устроен был чай, на который приглашены были и гости — друзья казаков.

Приветствовал гостей на казачьей «герbate» Пох. Атаман **И. Билый**. С ответной речью от своего и

от имени всех гостей выступил сенатор Ст. Седлецкий. Гости, и делегаты остались весьма довольны и чаем, и сопровождавшей его искренней, непринужденной беседой.

В первом же своем заседании окружное правление

распределило свои обязанности следующим образом: Войск. ст. **Чебурашкин** — старш. пом. окр. атамана, сотн. **Рябцев** — мл. пом. окр. атамана, **С. Бородин** — писарь и казначей. **Ф. Сафонов** — член окр. правления.

(Соб. кор.)

Казачья эмиграция

В. К. во Франции

ПО ВК ОКРУГУ

1. Именем вольно-казачьего округа во Франции сердечно приветствую новые вольно-казачьи округа в Польше и Румынии. Казачья сила растет час от часу; мощь казачьего духа неизмерима. В сознании указанного, с большей силой, с большим напором, с большей энергией объединенные ряды казачьих националистов пойдут вперед к победному достижению, единжды поставленной конечной цели — Казакии!

Слава Казачеству!

2. Приветствую и зачисляю в состав округа образовавшийся вольно-казачий хутор в г. Клермон-Ферране. Означенному хутору именоваться впредь: «В. К. хутор имени ген. М. Л. Фетисова в Клермон-Ферране», — в увековечение памяти ген. М. Л. Фетисова, героя восстания казаков в 1918 г.

3. Приветствую и зачисляю в состав округа группу казаков-джигитов, принявших официальное наименование: «Le Cosaques Djiguites Libres».

Означенной группе именоваться впредь: «группа вольных казаков джигитов имени К. Л. Бариджа — в увековечении памяти незабвенного казачьего патриота, организатора первых боевых лав «Вольного Казачества» на Черномории в 1918 г., принявшего смерть со своими двумя сыновьями от рук русских палачей — красных.

4. В виду возглавления означенной группы джигитов подесаулом **С. И. Шепелем**, в должности вр. и. д. атамана в. к. станицы имени А. И. Кулабухова в Тулузе, согласно сделанному представлению от станицы, утверждаю есаула **И. Т. Курило**.

5. Разрешаю станичникам: Апрышкину, Белову, Долгошееву, Коркишко и Резникову приступить к созданию новых вольно-казачьих организаций по месту их жительства.

В добрый час! Еще не застыла кровь казачья в казачьих жилах!

6. Отмечая неизменную непоколебимость в деле служения защите интересов Казачества, выражаю благодарность станичникам: Д. Г. Бочарову, К. У. Грошеву, И. С. Губину, И. Т. Курило, И. И. Марченко, И. В. Мельникову, С. И. Шепелю, Н. Н. Юрову и Е. М. Якименко.

Окружной атаман **А. Ленивов**.
Окружной писарь **А. Кувиков**.

В КЛЕРМОН-ФЕРРАНЕ.

ПРИГОВОР.

Мы, нижеподписавшиеся вольные казаки, проживающие в Клермон-Ферране и его окрестностях, на своем сборе постановили: организовать вольно-казачий хутор, дабы объединить всех казаков-одиночек в одну казачью семью и войти в связь с вольно-казачьим Центром.

Глубоко верим, что в недалеком будущем казаки в Клермон-Ферране и его окрестностях, спаянные общей идеей, смогут из небольшого хутора сделать крепкую вольно-казачью станицу.

Атаманом хутора единогласно избран подхорунжий **Иван Д. Попов**. Писарем — подхор. **Михаил П. Гайдуков**. Доверенными хутора — подх. **Николай К. Болдырев** и вахм. **Дмитрий П. Некрасов**.

Хутор сердечно приветствует Походного Атамана

ВК — природного казака **И. А. Билого**, и, исполненный чувств казачьего патриотизма, выражает ему преданность.

По первому зову мы готовы стать своей грудью на защиту своей казачьей родины Казакии. Слава Казачеству!

Приветствуем всех окружных атаманов, станичных и хуторских и всех вольных казаков.

Казаки изъявили желание, чтобы хутор их именовался именем покойного ген. **М. А. Фетисова**.

Подписали: хуторской атаман **Иван Д. Попов** (ст. Андреевской ВВД), **Михаил П. Гайдуков** (ст. Петровской ВВД), **Николай К. Болдырев** (ст. Тишанской ВВД), **Тимофей Феоктистович Горин** (ст. Акишевской ВВД), **Владимир Семенов** (ст. Хамутовской ВВД), **Дмитрий П. Некрасов** (ст. Приближенской ТКВ) и **Яков Квачев** (ст. Батуринской ККВ).

В ДИЖОНЕ.

15 сего мая в Дижоне было собрание украинского гуртка имени Тараса Шевченко, на котором я прочел обращение к казакам из журнала «ВК» об учреждении кассы помощи крайне нуждающимся казакам.

Вольные казаки и украинцы признали желательным иметь такой фонд помощи при Походном Атамане ВК. Сразу же раскрыли кошельки и полетели франки на стол...

Братьям украинцам большое спасибо за отзывчивость к нам, вольным казакам! Сотник **Я. Безгласный**.

СХИЛЕМО НИЗЬКО ГОЛОВУ

Шість років тому минуло, як перший раз явивсь козак-самостійник в Люні. Закіпіла робота, щоб загуртувати всіх козаків під вільно-козачим прапором.

Тяжкі тоді були роки. Козаки ще спали і були мало свідомі в вільно-козачі програми і йшли за старшиною, котра була роскидана по руських партіях....

Треба було багато положити сили, щоб козацтво стало на свій шлях, щоб козаки стали козаками, самостійниками-націоналістами.

Полк. **Олійник** (УНР) був нашим другом. При його допомозі в Українські громаді перший раз, в 1930 р., відбувся доклад п. А. Лінівова про вільно-козачий рух.

Полк. **Олійник** завжди піддержував вільних козаків в їх праці. Радів їх успіхам, болів серцем за поневолиним козацтвом там, по ту сторону кордону... під московським караулом...

Тяжке життя на чужбині підкосило здоров'я полк. **Олійника**. Він помер от страшною хвороби — рака желудка.

Полк. **Олійник** користався повагою і любов'ю не тільки між українцями, а й між вільними козаками. Палка мова його осталась в серцях наших. Він часто казав: «Шлях вільним козакам в Козацію лежить через степи України».

Схилено же низько голови над свіжою домовиною українського патріота.

— Спи, наш друже, нехай тобі чужа земля буде легкою!..

Вільні козаки рахують, що козако-українська дружба має основу в такій спільній праці українців і козаків, зразком якої була спільна праця полк. **Олійника** та вільних козаків в Люні.

Хорунжий Кубанського Війська **В. С. Криштопа**.

В. К. в Югославии

В КРАГУЕВАЦЕ.

(Окончание).

Н. Ф. Букин говорит: «Станичники, нам известно, что Казачество еще до петровских времен существовало самостоятельно и независимо от России. В то время оно имело свой быт, свои нравы и совершенно особый уклад жизни. Наша история говорит, что мы не есть русские оеглецы, бежавшие в пустынные степи от крепостного права, как это говорит русская казенная история, а теперь повторяют это и большевики. Так они говорят потому, что им это выгодно. Мы своей истории не могли читать, а читали историю о казаках, которую писали русские историки, а они как раз и скрывали от нас всю правду о древних казаках. Русские историки всячески старались скрыть от нас нашу прошлую национальность.

Затем окружной атаман на основании данных казачьей истории и записок иностранных писателей и историков, проезжавших в древнее время Казачьи Земли, опровергает все не правдоподобные сведения русских историков о казаках. Говорил и о том, как Россия поступала с казаками, как старалась использовать их во время войны; как русские цари притесняли казаков и постепенно отбирали у казаков их права...

После этого докладчик перешел на революционное время и сказал: «Станичники! за время революции казаки на фронте боролись с красными, а в тылу с белыми русскими (раздаются голоса: Правильно! Правильно!... Аплодисменты).

Коснувшись блокады, примененной к Кубанскому Краю Деникиным и ее последствий, коснулся и кровавой расправы над хозяевами казачьего Края, а именно: убийства Н. С. Рябова и повешения А. И. Кулабухова. Пояснил причины, почему Казачество проиграло в 1918-19 г.г. и почему ушло в эмиграцию. Первые годы в эмиграции русские старались отвлечь казаков от политики, но этого им не удалось. Наш национальный журнал «ВК» пробудил в нас национальный дух и любовь к своей родине. Занявшись политикой, мы узнали о своем прошлом, узнали, что мы были, народом, а не сословием. А раз были, то есть и будем народом, имющим казачью национальность (раздаются голоса — правильно! Правильно!... Аплодисменты). От программы казачьего сепаратизма мы никогда не откажемся. Работа наша ведется крепко и находится в надежных руках. Мы будем вести ее до тех пор, пока создадим свое государство. Казакую, в воскресение которой мы глубоко верим. Залогом этой веры служит наша безграничная любовь к родине... Но, веры недостаточно, нужно еще приложить и свои знания, свои способности и материальные средства для достижения своей цели. Мы отлично понимаем, что перед нами стоит трудная задача и для того, чтобы ее разрешить, мы должны пройти школу национально-политического самообразования. Путем пропаганды мы должны собрать все казачьи силы в ряды казачьих националистов. Мы должны отдать все свои силы нашему движению, особенно теперь, когда с казаками заигрывают русские здесь и там. В настоящее время сов. России угрожает опасность и там уже начали признавать за казаками большую культурность и наилучшие качества. Не есть ли это очередной обман казачьего народа? Дорогие станичники, посмотритесь получше к политике русского народа в отношении Казачества и скажите словами нашего бессмертного поэта Б. А. Кудряковца: «Нам любви ни чьей не надо: все неправда, все обман»... В предстоящих потрясениях сов. России, которая хочет еще раз использовать нас, как пушечное мясо, мы должны найти свое место и использовать грядущие события для доведения ВК движения до его конечной цели. В противном случае мы проиграем последнюю ставку и будем жалкими наблюдателями гибели Казачества. Не допустим этого,

А мощные собирая силы — навек насилье проклянем!

Казачьи горькие могилы, мы вам присягу принесем.

Объявляется 15 минутный перерыв, во время которого окружной казначей **А. П. Черный** спел под звуки бандуры «Зійшла хмара з-за лиману».

После песни окружной атаман сказал: «Если бы противники сожгли нашу историю, то казачьи песни в казачьей душе никто никогда не сожжет. Пришло время и нам, казакам, объединить под ВК знамя все наши казачьи силы и защитить свое казачье я. Слава Казачеству!

Казаки ответили: Слава Казачеству! Слава Казачеству!...

Заканчивая свой доклад, окружной атаман просил присутствующих задавать ему вопросы, если у кого такие есть.

Хуторской атаман донских казаков в Крагуеваце ст. **Туркин** встал и сказал: «Станичники, перед докладом окружного атамана станичным атаманом Билоусом было сказано, что мы, донцы, ушли из общеказачьей станицы, по его мнению, гонясь за атаманской должностью. Нет, мы ушли для того, чтобы поддержать нашего выборного атамана Граббе. Дальше вашим станичным атаманом было сказано, что 18 и 19 г.г. была не революция, а война русского народа с Казачеством. Я с его словами не согласен. По моему убеждению, то и была революция. Я до некоторой степени согласен с докладом окружного атамана, а именно в том, что если бы не было самостийников, то Казачество совершенно бы изгладилося. (Правильно! Правильно! слышатся голоса. Раздаются аплодисменты).

Дальше взял слово окружной контролер и обратился к казакам неделимцам и русским: «Вы говорите, что Россией сейчас управляет интернационал, против которого вы боретесь и зовете на борьбу и казаков. Вы говорите, что не хотите подчиняться чужинцу. А кто же управлял Россией до революции? Если вы не знали и не знаете, я вам посоветую прочесть книгу, написанную Палеологом, вашим ярым монархистом. Прочитав эту книгу, вы узнаете, что Россией и до революции управлял интернационал, только другой окраски. Так зачем же вам было уходить в эмиграцию? Не все ли равно, подчиняться этому или дореволюционному интернационалу? Вы говорите, что ушли от интернациона, чтобы бороться за свои права, за право русского народа управлять собой. Вот так же и мы, вольные казаки, как и вы, боремся за наше право, право казакам управлять собою, а не допустить делать этого русских. Как видите, как вы, так и мы боремся за одни права. Так зачем же вы отбрасываете наши казачьи права и стараетесь всеми силами задавить наше движение? Не лучше ли было бы стать каждому у своей хаты и пожелать один другому скорейшего успеха? Мы, вольные казаки, право и свободу других уважаем и почитаем, ни на чьи права и свободу не посягаем. Мы только требуем не мешаться в нашу жизнь и наше движение, ибо мы требуем только свое и за свое боремся.

Дальше просит слово г. **Згонников** и говорит: Станичники, не слушайте докладчика, ибо его доклад не правдоподобный.

Букин (с места): С чем вы не согласны?

Згонников: Вы человек молодой. Вас вывели в пеленках. Вы о Казачестве ничего не знаете. Я служил при царях и знаю, как казакам жилось при монархии. Я монархист и защищаю монархию, ибо только монархия расширяла Казачество.

Со стороны самих же неделимцев раздалось: «Довольно, довольно, старик, садись, доказал»...

Букин: «Да, действительно, «расширяла» напр., разорением Запорожской Сичи при Екатерине II-й... Вы говорите, что казакам хорошо жилось при монархии. Разве это хорошо, когда казак продавал последнюю пару волос, чтобы купить коня и седло, а потом идти за пять тысяч верст охранять Российское государство и... расширять его себе на гибель...»

Дальше берет слово снова **Д. Хайло:**

«Почетный старик г. Згонников, казак-монархист,

задавая несколько вопросов окружному атаману, сказал: «напротив, русские цари расширяли казачество». И я говорю, что они его «расширяли», но с какой целью? Хотели ли они улучшить этим положение казаков или преследовали другие цели? Вот именно они, «расширяя» казаков, они имели другую цель. Обратите внимание на географическое положение казачьих областей, как и где они расположены. Россия «расширяла» казаков только на своих границах, где ей больше угрожала опасность. Почему Россия не «расширила» ни одно Войско ближе к Москве? Ведь и там были земли... Нашлась земля для немецких колонистов, так могла найтись и для казаков. Вы, наши противники, и сами знаете правду, но только из упрямства не хотите признаться в этом. Я все же вам скажу — «расширяли» нас для того, чтобы своей грудью, проливая кровь, защищали бы мы русские границы и Россию от внешних врагов. Все неприятельские полчища, нападая на Россию ударялись о казачьи стальные груди и на казачьих землях не раз решался бой. Враг, пробиваясь чрез казачьи земли истощал свои силы и не мог дальше идти, возвращался назад... Казачьи станицы и курени страдали, сжигались, разорялись, а русские села оставались нетронутыми, ибо противник к ним не доходил...

Возьмите период революционной войны. Кто боролся против большевиков? Сколько было в рядах на антибольшевицкой стороне русских солдат и сколько казаков? Не было ли 10% солдат (и то половина из них пленных большевиков), а казаков 90%? Несмотря на эти цифры, русские генералы называли нас русской армией. Русские восхваляли и воспевали победу русского оружия над красной армией. Что же получили казаки? Где жертвы казаков? За что казак проливал свою кровь до последней капли? Казаки, поймите и разумеете, для чего нас Россия «расширяла» по своим окраинам и почему сейчас в советской России начали ухаживать за казаками. Неминуемая гроза нависла над сов. Россией с двух сторон — с востока и запада. — Для устранения этой грозы им нужны казаки. Они хорошо знают, что без казаков обойтись не могут. Здесь русские стараются так же удержать нас и даже начали по головке гладить, а все потому, что они хотят еще раз использовать наше мясо для борьбы с большевиками. Станичники, не дайте вас гладить по головке тем, кто вас уже сто раз обманул.

Г. Туркин задает вопрос: почему в состав Казакии входят только шесть казачьих Войск и что будет с остальными шестью?

Букин: По географическому положению остальных шесть Войск не могут войти в состав Казакии, но, по их желанию, они могут переселиться в Казакию, где им места безусловно хватит.

Затем **г. Туркин** говорит: «Да, шила в мешке не утаишь. Казачество, действительно, было обижено русским правительством». И приводит факты: «Нам известно, что раньше Казачество имело своих выборных атаманов, которых русское правительство заменило наказными и даже не русского происхождения. (Аплодисменты).

Букин: «Благодарю вас, г. Туркин, за вашу последнюю речь, из которой вижу, что вы наполовину самостийник. Я глубоко уверен, что в каждом казаке, какою бы он толка не был, в душе есть самостийность».

На этом окружной атаман закончил свой доклад и поблагодарил присутствующих за оказанное внимание.

После общего доклада, казаки, несостоявшие в рядах ВК, долго еще задавали разные вопросы окружному атаману, который им давал удовлетворительные разъяснения. А члены станицы быстро разместились в зале столы, которые трудами вольных казачек дамского кружка имени Галины Булавиной были сервированы скромной вечерей.

Через 15 минут казаки и казачки входят и занимают места. Окружной атаман встает и выражает станичные искреннюю благодарность за радушие гостеприимство, а дамскому кружку за труды. Продолжая

свое слово, он призывает казаков наперечь все силы, знания и материальные средства для агитации за ВК программу, советует, чтобы казаки вели усиленную переполку со всеми, не только со своими станичниками и знакомыми, а вообще со всеми казаками, при каждой встрече, — проповедуйте нашу национальную идею. Каждый из вас, станичники, должен быть политическим борцом. ВК движению с каждым годом принимает все большие и большие размеры. Началось с единиц, а в настоящее время в наших рядах тысячи сознательных, непоколебимых борцов. Ряды наши растут, ряды же нашего врага редеют, ибо Казачество начало политически прозревать. Вразуми же, Господь, и воскреси в нем дух сознания и веру в освобождение от всяких оккупантов.

Заканчивая свою речь, окружной атаман подымает тост за здоровье Походного Атамана, Слава Казачеству! Слава нашему Походному Атаману!

В ответ ему раздаются: Слава Казачеству! Слава нашему избраннику!

После небольшой паузы станичный атаман просит выслушать следующее:

«Дорогие станичники, станичницы и гости! Как видите, к нам, вместе с нашим окружным атаманом и окружным контролером, прибыл и наш славный бандурист **А. П. Черный**. Это тоже своего рода докладчик, оратор и агитатор ВК идеи. Он сейчас сыграет несколько исторических казачьих песен на родном нам инструменте бандуре, в которую он вложил всю свою душу только для того, чтобы передать казачеству на ее струнах его историю, напомнить ему о былой славе, воле и муках в московском ярме...

Антон Павлович берет бандуру и запевает: «Зійшла хмара з-за лиману»...

Во время пения наблюдалась трогательная картина. Сердца многих казаков не выдержали, невольно показались слезы... Дружными аплодисментами благодарили слушатели бандуриста.

После пения занялись обменом мнений, задавались вопросы окружному атаману, на которые последний давал исчерпывающие ответы.

Затем выступил молодой казаченок **А. Билоус** и продекламировал два стихотворения, за что был награжден аплодисментами.

После этого окружной контролер **К. А. Карнаухов** настоятельно советова, чтобы все казаки старались воспитывать своих детей в казачьем национальном духе.

Затем полились казачьи песни, сменяясь танцами гопака и лезгинки. В первую очередь станцевал гопак окружной атаман. Лезгинку танцевал горец, князь **Крым-Шахмалов**.

После танцев **А. П. Черный** делает пояснение, как нужно слушать бандуру.

Дальше взял слово князь **Крым-Шахмалов**: Братья казаки! Вы в одной из своих песен поете так: «Поймали Шамила на горе высокой». А я вам прямо скажу, что не сами вы его поймали, а все мы вместе его поймали, т. е. как у вас были предатели, которые выдали Степана Разина, Е. Пугачева, К. Булавина и других, точно так же они были и у нас. К моему великому стыду, мой прадед совершил величайшее предательство перед своим народом: предал свое племя Карачая, во главе которого он стоял. Он сдался не потому, что не мог бороться, а потому, что русское правительство предложило ему почетное место в Петрограде, княжеский титул и позволило управлять пожизненно Карачаем. И вместо того, чтобы не допустить врага в свой край и управлять им так, как это хотелось бы ему и его народу, он выбрал, повторяю еще раз к моему стыду, очень жалкий и позорный удел, т. е. сдался врагу и за титул и возможность облизывать москалям тарелки начал предательскую работу по угнетению своего народа...

Говорят. «В семье не без урода». Да, это то так, но кто же искупает грехи этих уродов? Мы их искупаем! Невинно страдаем за их подлое дело, а посему

я, братья казаки, вот что скажу вам: чтобы нами в будущем соседи не управляли и чтобы будущия поколения нас не проклинали, чтобы они не уходили за пределы родной земли и не влачили бы жалкую жизнь, как мы ее влачим, — тесней сомкнем свои ряды — все угнетенные ныне народы — и мощным общим фронтом против общего врага смело вступим в последний бой, чтобы быть или хозяевами своего дома или с честью умереть на поле брани за правое дело. Довольно рабства! У нас с вами одни и те же интересы и стремления, братья казаки, а посему предлагаю выпить за нашу дружбу искреннего объединения. Да здравствует Прометеевский союз! Да здравствует ВК! Да здравствует Походный Атаман ВК! За его здоровье, станичники!

Князя награждают за эту речь бурными аплодисментами.

А. Н. Чекин говорит: «Братья станичники! мы, вольные казаки, отличаемся от всех прочих казачьих партий и группировок своей категоричностью. Ни на какие компромиссы мы не пойдем. Наш путь — за безоговорочную самостоятельность. Мы ведем борьбу за ту волю и землю, за ту территорию, где жили наши предки, которую они залили своим потом и кровью, и где в настоящее время спят вечным сном. Казаки националисты легко могут слиться в одно могучее государство. А наши желания, убеждения, навыки и дух казачьего национализма будут представлять душу нашей Казаккии. Для осуществления этого плана мы, вольные казаки, требуем от всего цивилизованного мира национальной справедливости. Мы хотим быть равными между равными. Поэтому мы должны все силы направить и концентрировать их на ударной задаче ВК. Уместно здесь напомнить, что виновники нашей трагедии, бывшие войсковые атаманы до сих пор копают яму Казачеству...

В то время когда мы воевали на фронтах, когда Казачество обливалось кровью, в то время в тылу вешали и убивали наших представителей и не переставали лизать потускневшие лики императоров. Но казаки осознали себя, сбросили цепи угнетения и поругания, ВК движение всколыхнуло стоячие воды эмиграции. Зарница предгрозя осияла наших врагов, а когда рассеются черные тучи мы, вольные казаки, очистим свое поле от сорных трав и пустоцветов и снова полетят звонкая песня по хуторам, станицам, лесам и полям. Эта радость наша будет всему миру говорить, что Казаккиа воскресла и начала жить. Да здравствует ВК — политическая казачья армия под водительством Походного Атамана!

После речей полились опять песни. После песен танцы.

Станичный атаман потом обратился к казакам с таким словом: Дорогие станичник! Я подчеркиваю необходимость больших напряжений в работе политического самообразования. Надо нести материальные жертвы. Мы немедленно должны увеличить членский взнос, а подписной лист, по которому казаки добровольно бязываются, кроме членских взносов, ежемесячно давать по силе своего состояния сумму для окружного правления, надо распространить в нашей станице до крайних пределов. Такую подписку может свободно сделать всякий казак, который имеет работу... Не жалейте, станичники, ни своих знаний, ни трудовой монеты. Несите средства на алтарь освобождения нашей многострадальной родины. Мы в настоящее время винтовку и шашку употребить не можем. В настоящее время винтовка есть ум, а шашка — язык. Самое же сильное и опасное оружие — это пропаганда. Это оружие мы, казаки националисты, должны во что бы то ни стало использовать своевременно и это оружие должны умножать, т. е. видывать из наших рядов как можно больше политических борцов-работников. Не забывайте, что человек, когда делает что либо, то он в этой отрасли все время совершенствуется, т. е. расширяет свои знания. Если же не делает ничего, то он забывает и то, что знал. Мы ни в коем случае не должны допустить, чтобы наши се-

годняшние лектора докладчики, имея способность агитировать, сидели бы в досадной тоске, как вольная птица, закрытая в клетке в начале весны, только лишь потому, что нет средств работать. Станичники, раз у нас есть работники, давайте дадим средства, оторвем немного от современных костюмов, а так же и от выпивки и дадим это на казачью национальную пропаганду. Слава Казачеству!

Дальше окружной казначей **А. Черный** играет прощальную песню, затем Черный и Карнаухов, в сопровождении станичного атамана, И. Картамышева и П. Куропяткина отправились на станцию.

До прихода поезда Черный сыграл еще 3-4 песни. Здесь его обступили люди, которые пришли к поезду, и многие стали спрашивать — что это за инструмент? Казаки им объяснили, что этот инструмент казаки точно так же уважают, как и они свой инструмент. «гусли», на котором передается их история. А на этом инструменте казаки передают свою историю...

Уже поезд тронулся, а бандурист поет ... «Виростают нехрещені козацькі діти»...

Окружной атаман оставался еще с казаками и вел беседу до часу ночи...

Сообщили: Ст. атаман **Иван Билоус**, ст. писарь **А. Пальчик** и ст. казначей **Д. Хайло**.

В ПАНЧЕВО.

26 апреля с. г. на собрании в.к. хутова в Панчево, хуторской атамана **Р. П. Евсюков** прочитал доклад на тему: «Казачество в революции и в эмиграции»:

«Дорогие станичники, начинает он, нам, казакам, в изгнании, не имея своей родины, хочется поговорить с казакком, по-казачьи, ибо только мы сами можем сговориться между собой. Только мы сами можем понять себя. Скажу, что самостоятельность казачья до Петра была и мы это видим из исторических данных, которых нельзя опровергнуть. История казачества русским правительством постепенно искажалась, пока и совсем не «исчезла». Русские, уничтожая казачью историю руководились тем же, чем и помогавшая им казачья старшина, которая не думала о будущем Казачества, а думала только о своем будущем. Казачество со времен Петра из вольного и самостоятельного к нашему времени превратилось в служивое казачье сословие. История Казачества и его самостоятельного существования была скрыта от нас и наших современников.

В начале революции у нас появились казаки националисты, казачьи патриоты, которые старались воскресить казачью самостоятельность, давно утерянную по вине казачьей старшины и казачьих изменников.

Этих казачьих патриотов некому было поддерживать. Их, как руководителей, было мало, а казачья масса не была в курсе казачьей истории. Да и до казаков вообще ничего не доходило, правда не пропускаться на фронт, а если и знали казаки, то очень немногие и очень мало знали о работе и борьбе казачьих патриотов на пользу своего народа и в защиту казачьей родины. Нас, рядовых казаков, мобилизовали и укомплектовали нами добровольческие полки — Корниловский, Марковский и др.

В первую очередь в Дроздовский кон. полк вошли казаки станицы Новоднецкой, где стоял штаб этого полка, а также станиц: Березанской, Новомалороссийской, Журовской и др. В Дроздовский кон. полк попал и я. Мы стали в ряды Добармии защищать матушку Россию от русских красных, не зная о том, что казаки имеют право и должны защищать только свою казачью родину. О казачьей национальности нам в то время никто не заикнулся. Перейдя из Ставропольской губ. на Украину, добровольческие вожди приказали нам нашивать на левом рукаве трехцветный угол — знак добровольца, чем хотели показать иностранцам, а так же и товарищам, что, дескать, все мы добровольцы по защите матушки Расеюшки. Мы же, казаки, хотя и не знали нашей казачьей истории (хотя нам и говорили, что мы тоже русские, бежавшие когда то

от помещиков и впоследствии награжденные царями землей), но сблизиться с русскими ваянками все же не могли.

Вдали от своей казачьей земли, от своих казачьих полков, в наши души закрадывалось все же сомнение и что то подсказывало нам, что все это не наше, а русское, и что казачьего тут духу нет.

Вскоре мы, казаки, находившиеся в добровольческих частях, начали (по станично) писать заявления станичным сборам, прося их ходатайствовать перед казачьим правительством о выделении нас из Добармии и о возвращении в свои кубанские полки. Некоторые станицы ответили, что, до особого распоряжения, оставаться пока на местах, а некоторые совсем не ответили.

Мы в то время не знали, что наши казачьи патриоты борются за то, чтобы собрать всех казаков в казачьи полки и создать казачью армию. Не знали так же и того, что наши генералы, во главе с войсковым Атаманом, пляшут под дудку ген. Деникина, который был против формирования Кубанской армии. Ярых поборников казачьих прав одного убили в Ростове, а другого повесили на Кубани. Все это сделано было добровольческим командованием при помощи самих же казаков. Мы, служившие в добровольческих частях, не знали, почему и зачем все это делается, т. к. не было с нами казачьих офицеров, которые бы объяснили нам происходящее. Вряд ли знали истину и казаки, служившие в казачьих частях. Когда все же казаки поняли, что тут что то не то и стали уходить из частей на Кубань, то русские добровольцы стали называть казаков изменниками единой неделимой. Мы могли оправдывать свой поступок тем, что добровольческое командование повесило нашего выборного представителя. Мы в свое время не знали, что погибшие были не только избранниками нашего народа, но что они старались улучшить нашу жизнь, оградить ее от произвола добровольческого командования и их приспешников из кубанцев. Мы не знали, что наши самостийники хотели восстановить утерянную когда то казачью самостоятельность, сделать благо казачьему народу, чтобы казачьи жизнями, казачьим добром не распоряжались русские, а только сами казаки. Этих наших борцов не могла поддержать казачья масса, потому что она не знала настоящих целей борьбы самостийников, а другое — она не знала казачьей истории.

Теперь, благодаря журналу «ВК», мы знаем, что имели и имеем право на самостоятельное государство.

Приехав за границу, мы забыли о той трагедии, которая разыгралась там, дома. Забыли о том, какую кашу пришлось испить нашим защитникам, да и нам самим. Один из виновников нашей трагедии уже здесь, за границей, избирается на высокий пост Войскового Атамана. Продолжается и здесь затягивание казаков на московскую дорогу, стараются и тут надеть на казачью шею русское ярмо, чтобы лучше тянули казаки за единую Русь. Они, конечно, надеются, что за свою службу получат от русских награду, а для них это главное, а как будет тем, кого они втянули в русскую кашу, им безразлично.

Казаки, выполняя здесь тяжелые работы, дают свой трудовой грош своей старшине для спасения родины и совсем не подозревают, что эти же жертвования идут им во вред, т. к. тратятся на русское дело. Работая воинскими командами, казаки стали присматриваться к окружающей обстановке и когда ее изучили, то стали покидать свои части. Только небольшая часть по необходимости продолжает оставаться в воинских командах. Офицеры этих команд заделались подрядчиками, а казаки за гроши работают у них и на этот заработок еле влачат существование. Когда казаки стали сами себе находить работу, то непременно нужно было снять свою форму, ибо русские уже успели оседомить местных жителей, что, дескать, казаки это такой народ, что убить человека для него — простое дело. Одним словом, «братья русские» представили казаков иностранцам, как разбойников.

Уже после не раз приходилось вести разговоры с жителями страны, куда их забросила судьба. Слабое знание своей истории всегда мешало разъяснить иностранцу, что казак совсем не русский.

Пришел, наконец, и конец нашему незнанию. Национальная работа погибших патриотов не пропала даром. Их сотрудники, оставшиеся в живых, не бросили своего дела. Они в эмиграции начали проповедывать, как нужно казакам быть и чего нужно держаться. Главное, они сбросили с казачьих глаз повязку, так долго мешавшую видеть подлинную казачью историю, а так же открыли нам всю подлую работу наших б. Войсковых Атаманов там и здесь, в эмиграции. В настоящее время казачье национальное движение широко разрослось и глубоко пустило корни в казачьей массе. Теперь мы не скрываем казачьего имени от иностранцев, как скрывали его раньше, не зная своей истории. Теперь мы, вольные казаки, не признаем имени русского, а с гордостью говорим: нет, мы — казаки, а не русские.

И все это наше просветление произошло, благодаря нашим патриотам националистам. Сейчас мы, вольные казаки, не можем сказать, что не знаем казачьей истории и казачьей трагедии в последнюю войну с русскими. Знаем все и имеем свою ВК программу. Можно сказать, что в настоящее время все казаки знают прошлое казачества и путь-дороженьку, по которой можно и следует без страха идти. Если мы и теперь будем отговариваться, что мы, мол, не знали, то нам не простит этого ни история, ни память наших предков, ни будущие поколения...

Казакам, почему либо не вступившим до сих пор в ряды ВК движения, особенно надо над этим призадуматься. Надеяться на русских не приходится...

Русский народ установил у себя власть, какая ему больше всего по душе и эту власть, как власть русскую, признали и иностранные государства, за исключением очень немногих. Русские эмигранты не могут требовать от иностранцев, чтобы они помогли им свергнуть сов. власть, а они, эмигранты, поставили бы такую власть, какая им нравится. Да и не все эмигранты «дуют в одну дудку». Одни за Кирилла, другие за демократию, а вот, по сообщению сербской газеты «Время» от 26 марта видно, что во Франции организовалась группа эмигрантов, которая заявила советскому послу, что, в случае нападения на сов. Россию, — русский народ может на них рассчитывать, как на работников и защитников России.

Какого берега мы, казаки, будем держаться? Ведь если мы будем держаться русской эмиграции, то выходит так, что если иностранцы нападут на сов. Россию, то мы должны идти вместе с русскими защищать советы. Если русские эмигранты сами будут нападать на советы, чтобы свергнуть их, значит опять мы должны идти вместе с ними, но уже против советов. Русские будут распоряжаться казаками по своему усмотрению и будет повторяться то, что повторялось в революцию, т. е. будет посеян разлад между нами.

Поэтому нам, казакам, одна дорога — борьба за казачью самостоятельность под ВК знаменем.

Посмотрим теперь, что происходит у нас на родной земле. Еще недавно в советской России преследовалось само слово казак. Принимались всевозможные способы к уничтожению Казачества, как то: расстрелы, голод, всевозможные конфискации, выселение целыми семьями и даже целыми станицами и т. д. Создавалось впечатление, что эта русская власть решила уничтожить казачество в ускоренном порядке. Сейчас же в газетах пишут, что советы восстанавливают Казачество. В газете за 25 марта есть заметка, которая говорит о восстановлении чисто казачьих полков, которые будут входить в красную армию.

Почему советы вдруг так резко переменили свою политику по отношению казачества? Ответ простой. Советские заметили опасность с востока. Тут то они вспомнили о казаках.

Советам грозит внешняя опасность — с востока Япония, с запада Германия. Значит, пахнет порохом, а

к тому же еще опаснейшее для власти во время войны сепаратистское движение «окраин». ВК движению нужно быть объединенным в предвидении грядущих событий, чтобы быть готовыми к тому, если тамошние казаки, уже как воины, произведут внутренний взрыв. Нужно быть готовыми и к тому, чтобы в подходящий момент быстро объединиться всем народам, борящимся за свое освобождение.

Теперьшние «реформы» сов. правительства такие же, какие не раз проделывали и прежние правительства. Трудно представить, чтобы, как сообщает сербская газета «Время» в № 5101, сов. власть дозволит выборы атамана. Это очередной обман Казачества. Скорее всего будет такой же наказный из «ваньков», какие были и раньше, а если из казаков, то очевидно из таких, как ген. Филимонов, т. е. из людей, которые будут проводить русскую политику и руссификацию казачества. Если есть казаки, которые не верят, несмотря на исторические факты, во вредную прошлую политику российского правительства, то пусть поверят теперь. Создание клубов «ворошиловских кавалеристов» свидетельствует о том, что казачество нужно России только для ее целей и вывод из этого только один — это очередной обман Казачества.

Я думаю, что казаки, наученные горьким опытом, никаким очередным обманам уже не поверят. Создавая здесь свои самостийные организации, твердо будем стоять на страже своей казачьей самостоятельности и ни какой вновь выдуманной русской ловушке не поддадимся. Твердо будем верить в наше национальное возрождение на поле казачьей самостоятельности. Поэтому следует каждому вольному казаку стараться честно и самоотверженно служить и приносить пользу на благо своей родины Казакии. Надо изучать политическую обстановку. Надо знать ВК программу и устав, чтобы каждый вольный казак сумел защитить свое национальное имя и чтобы каждый вольный казак смог бы во время надобности стать во главе какой либо в.к. организации.

Только забыв личное честолюбие, помня только одну преданность Казачеству, можно осуществить свои намерения и возродить свою Казачью Родину.

Сообщил: Евтихий Костюченко.

3 мая с. г. в Панчево состоялось открытое собрание, на которое приглашались все казаки, проживающие в этом городе, без различия политических убеждений. На собрание прибыли, по просьбе хутора, окружной атаман **Н. Ф. Букин** и окружной казначей хор. **А. П. Черный**. Собрались не только казаки хутора, но и казаки не состоящие в хуторе; были и украинцы.

Окружной атаман **Н. Ф. Букин**, в своем двухчасовом с лишком докладе, обрисовал казакам политическое положение в Европе, в особенности тех государств, которые граничат с советами.

Так же широко изложил казачье положение от времен Екатерины до времени Сталина, где указывал, как Казачество терпело гонения, преследования и разорения. Так, Екатерина уничтожила и разорила Запорожскую Сич, а через два года начинается война России с Турцией и Екатерине нужны Запорожцы, как хорошее войско, которое она может использовать для защиты русских границ. Она назначила Потемкина гетманом и поручила ему собрать Запорожских казаков, чтобы отстоять Россию. Петр построил Петроград на казачьих костях. В то время казаки были тоже сотнями интернированы на принудительные работы за сопротивление не дать себя и свое казачье достоинство в руки великороссов. Петр Кальнишевский, последний Кошевой Запорожца, первый топтал дорогу в Соловки при русских самодержцах. Сейчас, во время Сталинского царствования, казаки так утопали на Соловки дорогу, что и при самой большой суше пыль не подымается...

Так русский народ строил и строит свое государство руками и жизнью других наций. Станичники,

время нам уже строить **свое** государство. Время уже раз и навсегда освободить нас самих и наше будущее казачье поколение от построения чуждых нам городов и каналов казачьими руками для пользы и блага русского народа. Казачьего вопроса для русских людей не существует. Сов. Россия и ее красные вожди — наследники русских царей, хотели совсем казачество уничтожить. Даже запрещалось произносить слово казак. Сейчас им нужно казачество при надвигающейся грозе. Сейчас оно им нужно так, как было нужно Екатерине Запорожье. Теперь начали они восхвалять Казачество, казачьи песни и подымать на высоту их боевую славу. Восхваляют поработители казачьего народа. Так поют хорошо те русские люди, которые несколько дней тому назад отнимали казачьих детей от отца и матери, отдавали их принудительно в коммунистические школы. Разлучали мужа с женой и беспощадно их убивали. Разоряли целые станицы, выселяя их на север. Все казачье подвергалось огню и мечу. Поработители, от которых можно было слышать в адрес казачества только «нагаешники» и пр., сейчас говорят, что казаки «не дадут погибнуть трудовой стране... Так казаков восхваляет тот народ, который над казачьей шеей непрерывно держит петлю, чтобы в любой момент сдавить казачье горло...

Но, нет! Казаков уже русский народ не обманет. Хотя русские советы переодели степных орлов в свою серую сермяжную форму, хотя они и нацепили им на русский картуз свою красную звезду, но под этим всем хламом бьется все то же степное казачье сердце. Похвалам, заискиваниям и очередным обманам, как красных русских там перед Казачеством, так и русских белых здесь, придет скоро конец. Недалек уже тот час, когда все Казачество объединится и тогда все похвалы и заискивания полетят вверх ногами. Казачество создаст свое национальное государство и его острые шашки и лихие степные кони будут служить не России белой или красной, а своей казачьей родине — Казакии.

Наша вина была в том, что мы допустили к себе русских эмигрантов в Казачьи Земли, таких же эмигрантов, как мы здесь. Они пришли к нам спасать свою шкуру от своего же русского народа. Эти же пришельцы, пользуясь нашей в то время казачьей рознью, сумели погубить себя и нас.

Если бы мы не приняли к себе ни одного русского эмигранта, то мы, казаки, при нашей сплоченности, легко могли бы отстоять и создать наше казачье государство, так же как отстояли себя прибалтийские государства...

В дальнейшем окружной атаман призывал казаков к единению под ВК знаменем, дабы освободить от красных оккупантов нашу казачью родину и не странствовать по чужим странам, а жить и трудиться на своих привольных степях.

Присутствующие благодарили и очень были довольны всей той правдой, которую изложил в своем докладе окружной атаман.

По окончании доклада всеми нами уважаемый бандурист **А. П. Черный** перенес мысленно казаков и украинцев на свои родные поля. Зазвучали струны бандуры, запел бандурист, — то о прошлом казачьем, о его воле и бескрайних полях, то о жажде отмстить супостатам, залившим кровью наши Края.

Долго слушали — как казаки, так и украинцы — казачьего бандуриста, но чуть он делал перерыв, на смену ему покатила песня — «По над лесиком» и много других.

Украинцы тоже вспомнили своего патриота Т. Г. Шевченко «Заповітом». Не обошлось и без танцев под бандуру. Отплясывали и казаки, ударили и украинцы настоящего украинского гопака.

В пять часов утра в понедельник окружного атамана и казначея казаки проводили до поезда.

Р. Евсюков.

В БЕЛГРАДЕ.

26 апреля с. г. в помещении Округа, окружным атаманом **Н. Ф. Букиным** был сделан доклад на тему: «Казачество и мировые события», в котором докладчик нарисовал картину современных мировых событий и указал на роль, какую должно сыграть в них Вольное Казачество.

На докладе присутствовали, как вольные казаки, так и казаки других политических группировок. Произведенное докладом впечатление — хорошее.

По окончании доклада — казачья беседа. Нельзя не отметить выступление станичника Лопуха, который в своей речи познакомил слушателей с деятельностью Атамана Кухаренко.

Л. В. Зверев высказал пожелание видеть вольных казаков в устраиваемых их станицей казачьих беседах. Несомненно, что в. казаки воспользуются таким приглашением.

(Соб. кор.).

В. К. в Польше

ПРИЗЫВ К КАЗАКАМ, НЕ СТАВШИМ В РЯДЫ ВК.

Дорогие братья казаки! Читаете ли вы наш журнал «ВК»? Интересовались ли его содержанием? Если нет, то пусть вам будет стыдно, если вы, имея возможность, не интересуетесь своей же долей.

Все мы, кому дорога родина, кому дорога свобода, дорога минувшая слава отцов и дедов, — все мы должны стать под ВК знамя, должны стать под команду нашего Походного Атамана! Спешите, дорогие братья, спешите, чтобы пополнить ряды нашего национального движения.

Е. Булавин

Штришки из казачьей жизни

Персия. Сторожевое охранение-застава в Куриджанской роще у Куриджанского моста. В темноте, далеко за полночь, — выстрелы часовых, тревога, суматоха. Застава почти со всех сторон окружена. Начальник заставы — урядник Фенько.

Команда: Быстро, как кто может, собратись за насыпью у шоссе.

Урядник Фенько на коне выскакивает из рощи с 5-6 казаками прямо среди турецких кавалеристов.

Рубка. Три человека падают под ударами казачьей шашки, но из темноты вновь выскакивают один за другим турецкие сувары-кавалеристы.

Фенько один и, не видя возможности дальше сопротивляться, дает повод разгоряченному коню. Уходя, продолжает парировать удары противника. Рубит еще двух всадников и в последнем ударе, сам раненый в руку и плечо, роняет шашку и целиком отдает себя воле уносящего его коня. Турки отстали.

На разсвете роща занята снова. Турок нет, видны только следы жаркой ночной схватки: три трупа турецких лошадей и труп зарубленного турка в кустах, очевидно, не найденного при уходе своими.

Шесть месяцев спустя — движение в боевой обстановке. Боевой георгиевский кавалер ур. Фенько, вылечившийся от ран, — в составе сотни. Фенько на том же своем лихом скакуне, но конь уже не тот, ибо полгода пробыл без хозяйского глаза. Конь значительно сдал и теперь, после нескольких суток похода, боевой и лихой скакун пристал. Вахмистр приказывает передать седло и вьюк на других лошадей, а коня пристрелить.

— Слушаюсь, г. вахмистр, вьюк передам, а стрелять не буду и не могу. Ведь он спас мне жизнь.

— Не разговаривать, раз тебе приказывают...

— Как хотите, а стрелять своего коня я не буду.

— А что же ты будешь делать?

— Дам коню отдохнуть, а потом пойду следом за сотней.

Не думайте, что к вам придут: о, нет! Вам идти некуда, а мы все идем, мы все стремимся, как к матери, к милой, широкой, бесконечной степи — Казакции.

Не думайте вы, кто не стал еще в ряды ВК, что все, кто вас зовет, все те — казаки. Нет! остерегайтесь и не верьте. Имеем много мы врагов и не только там, где наша кровь лилась веками, в защите вольности и права, а и здесь, среди нас есть враги, которые ждут нас, зная нашу доверчивость, и хотят заманить нас опять в ловушку, опять хотят надеть нам ярмо неволи.

Не слышите? там «красные» зовут! Идите! они идут вам волю, как дала ее Россия. А здесь? Спешите к «белым», они ведь тоже много обещают, как обещали и Врангель, и Деникин...

А наш Походный Атаман ничего не обещает, а только говорит: «пойдете — поведу». Куда? — На родину!.. На родину — и никуда больше!

Так вот, спешите, братья, близок час... Должны мы отомстить врагу за братьев и отцов. Пусть будет кровь за кровь. Пусть кровь омоет нашу волю и как предутренняя заря засияет в наших сердцах радость, радость свободы.

Дума, ведь, рвется в неба своды —

Кричит, и плачет, и смеется,

Что близок миг, что близок час

Свободы вольности для нас.

Сомкнитесь в тесные ряды дружнее, братья казаки! Смерть врагам — свобода нам! Смерть красным оккупантам — палачам Казачества, а слава родине Казачьей! Слава Казачеству! Слава!

Сергей Лавров. (Польша).

1 мая 1936 г.

— Ну, хорошо, только чтобы на бивуак прибыл вечером. До бивуака осталось верст пять.

— Братцы, у кого есть кусочек хлеба? — крикнул урядник Фенько.

Несколько ближайших казаков отстегнули сумы и вынули несколько кусочков хлеба.

Приставший, изнуренный конь сначала даже не почувствовал запаха хлеба. Потом вдруг ободрился, взял мягкими губами кусочек хлеба, прожевал и потянулся снова к рукам хозяина.

На утро конь отправлен в обоз 2-го разряда на поправку. Конь спасен, поправляется, снова приходит в строй, до конца совершает все переходы, никогда не приставая, и благополучно возвращается с хозяином в родную станицу.

С утра до поздней ночи бой, скачка, стрельба, атака за атакой. Люди и лошади без пищи и отдыха изнурены окончательно.

Затихла стрельба и передано распоряжение стянуться к дороге, в ущелье, где и ждать дальнейших распоряжений. В ущелье подобрался 1, 2 и 5 сотни Н... полка. Приказано подняться через перевал к селению Кирхабад, и, выставив сторожевое охранение, стать заставой у дороги.

Во время подъема на крутизну гор я слышу впереди окрик. Угадываю голос вахмистра первой сотни: «Передай вьюк, а коня пристрели!»...

— Не могу, г. вахмистр!

Подожми ближе. Узнаю в казке своего станичника Михаила Захарова-Зырченко. Делаю вид, что не замечаю, что здесь творится жесточайшее зверство....

В эти годы озверения всего человечества до сентиментальности ли?

Казак упорно отказывается стрелять свою лошадь. Слышу: «Пошел вон!»... и глухой револьверный стук, а за ним падение пристреленной лошади.

Перевал найден. Поставлено сторожевое охранение.

ние. На рассвете тревожное донесение с постов: По дороге в нашу сторону — движение!

Правда, дорога — это слишком громко сказано. Это — ишачья тропинка между горными утесами.

На самой высшей точке гор уже заиграл солнечный луч.

— На дороге всадник! крикнул один из офицеров, наблюдающий в бинокль.

Минута, другая напряженной тишины. Только казаки еще суетились, приторачивая вьюк и подтягивая на последнюю дырочку подпруги.

— Лошадь без всадника, — раздались голоса казаков.

Вдруг от первой сотни отделился казак и побежал к лошади. Больше ста саженей бежал казак, а к этому времени солнце выкатывалось из-за хребта все больше и больше.

Казак подбежал к лошади, схватил ее за шею, постоял с минуту и быстро пошел назад к сотне. Конь, шатаясь, попевал за ним.

Когда казак с конем приближались к дивизиону, у многих казаков выступили на глазах слезы, потому что каждый понял всю картину жестокости человеческой. Подошел к коню есаул Толмач и тоже утирал слезы. Вот тебе и не сантиментальничай, пронеслось у меня в голове.

Оказалось: выстрел вахмистра Воронина в темноте был неверный, и пуля со лба коня соскользнула под кожей по над глазом, отчего вспухла половина головы. Ошеломленная лошадь упала от первого удара, а потом нашла в себе силы, поднялась и инстинктивно пошла следом за ушедшими.

Конь спас себя, был отправлен на поправку в обоз 2-го разряда, вполне оправился и уже не отрывался больше от сотни, окончил войну и тоже благополучно вернулся в родную станицу со своим хозяином.

Не хватило бы места перечислять подобные случаи. Много таких картин переживали казаки во время войны в Турции, Персии и Месопотамии...

Думы и мысли

ПЕРЕПИСКА СОСЕДЕЙ.

(Окончание).

6. Про самостоятельные организации здесь и в советском союзе, и ответ на письмо самостоятника Боровлева.

Всевозможные самостоятельные организации появились у нас во время революции, то есть в 1917 году. Это не были стихийные течения, и они не вышли от самого народа, а наоборот, наши союзники, так и враги — Англия, Германия, Япония и другие всегда боялись Великой России и в особенности в то время, когда Россия расцветала и крепла, и даже обгоняла во всем некоторые из них. И вот, чтобы подорвать Великую Единую Россию ими, то есть посредством их денег купленные ими лица стали вбивать в головы русских, что они не русские, как например, в Малороссии украинцы, в Белоруссии белоруссы и т. д. Все это протекало не вполне успешно, ибо те же украинцы всегда знали, что они такие же русские, как и все, ибо в законах Российской империи не было никаких ограничений никому, за исключением евреев. Результат был виден на Украине, когда правил там гетман Скоропадский, то власть держалась только тогда, когда Украина была оккупирована немцами, но с уходом немцев пришлось капитулировать и гетману, ибо власть не была поддержана народом, а была поставлена немецкими штабами. Почти то же самое произошло и с Петлюрой, которого поддерживали поляки.

С приходом к власти большевиков, те тоже начали делить Россию на всевозможные автономные республики, но это делалось с целью рекламы, ибо власть интернациональная, так нужно было из России выкроить побольше республик, как для иностранных держав, так и для того, чтобы создать большой государственный аппарат и везде понатыкать своих людей, что облегчает слежку за русским народом. Но народ, как чувствовал себя русским, так и не изменился и теперь.

Здесь же, в эмиграции так же появились всевозможные самостоятельные организации, все они поддерживаются иностранцами, а во главе их стоят разные авантюристы и проходимцы, как например, авантюрист Василий Вышиванный, Билый и другие. Им не нужна Россия, даже те буферные государства, которые они возглавляют, им нужны те деньги, которые они получают от поляков, немцев, англичан и т. д. те взносы, которые они собирают от тех, которым успели забить головы своей авантюрой или обещаниями, что в случае создания государства, они получат хорошие посты и оклады.

Вот одна из таких организаций — Вольное Каза-

чество, возглавляемое авантюристом Билым, успело сманить к себе немногих казаков, но зато преуспела набить им головы такой белибердой, что более здравомыслящему человеку просто смешно и дико покажется все это.

Попала ко мне одна записка от вольного казака Боровлева, который высказывает в ней свои мысли о России и о НСНП. Хотя он и не заслуживает ответа, ибо он продал Россию и даже свою Кубань, как Иуда нашего Господа Иисуса Христа, за 30 серебряников тем, которые боятся могущества России, то есть нашим врагам, но отвечаю потому, что думаю, что не умерла еще совесть в соблазненных, не хочется, чтобы они при возрождении Великой России поступили так, как пришлось поступить Иуде предателю, когда в нем заговорила совесть.

Он говорит, что союз запоздал проводить свои идеи. Но я скажу, что лучше поздно, чем никогда. Наш союз лично для себя ничего не желает и у нас одна идея это — освободить нашу Родину от интернациональной коммунистической власти. Это наша главная задача, от которой союз не уклоняется ни влево, ни вправо. Дальше, союз НСНП взялся тогда энергично за дело, когда увидел, что страшнее поколение неспособно нанести удар большевикам, но за этот период борьбы в союзе насчитывается десятки, сотни жертв, которые идут отсюда и во имя России жертвуют свои жизни, как например: Захарченко-Шульц, Ларионов, Петерс и много, много других.

Интересно, какую собственно конституцию вы бережете и читаете? Неужели ту, которую Вам всунули проходимцы, наемные люди большевиков!

Г-н Боровлев говорит, что они не прекращали борьбу, но пускай нам укажет ихние методы борьбы и, как я сказал, людей, которые во имя идей вольного казачества принесли бы себя в жертву. Да, конечно, нужно еще напомнить, если господа вольные казаки не знают, какая власть совершила переворот в России и какая существует до настоящего времени. Не Русский большевизм, а интернациональный, в нем не только участвовали русские, но были всякие прохвосты и теперь еще во власти стоит 80% евреев. А если и этого мало, так пусть г-н Боровлев присмотрится и разберет теперешних управителей России и после, разобравшись, укажет нам, сколько в ней процентов чистых русских.

Кроме того, клятва дается раз, и она, наверно, была дана вольными казаками служить своему отечеству России, не какому-то несуществующему государству. И действительно, вольное казачество никогда не оп-

равдається перед Богом, як не оправдався Іуда-предатель, а перед історією і оправдуватися їм не придется, вряд ли вони в неї попадуть, а якщо попадуть, то будуть просто названі одним іменем — предателями своєї Родины.

В кінці він закінчує, що не казаки бежали від свого народу спасати життя к членам союзу, а навпаки, НСНП бежав в казачьї держави спасати свої життя і бросив на произвол судьбы Російський народ.

Во-перших, г-н, вольний казак Боровлев сам собі протирічить. Сперва він говорить, що союз НП слишком запоздав возродитися, а в кінці своєї банальної записки говорить, що НСНП бежав в казачьї землі. Може бути у вольних казаків і Бельгія входить в казачьї землі? Далі ніхто нікуди не бежав, а навпаки, ми вважаємо, що Кубанська Область була частиною Росії, їй же вона і залишилася і ніякі Биліє і Красні не відділяють її від Росії. Не бежали ми, а пішли для спасення нашої Родины віддати свої життя і до останнього моменту ми відбивалися від наших ворогів більшовиків і звідси, в еміграції, не сложили зброї.

А г-н Боровлев теж бежав в Крим, ким і на чому він був евакуйований? Не головнокомандуючим Врангелем і не на російському пароплоді доставлений за кордон? Що ж, він не убивав ли від Казачества і не покинув ли казачьї землі?

Стидно і стидно всім подобним господам отримувати від Росії в той час, коли чужі міжнародні сили експлуатують нашу Родину. Верні її сини ніколи, в якому б положенні ні знаходилися наша Родина, від неї не відвернуться і не предадут її, як це роблять г-да вольні казаки. Наоборот, ми гордимся, що ми російські, ібо всім іноземцям відома сила і слава давньої Росії і щоб вони ні не предпринимали з еміграцією, як би її ні притесняли, не зроблене нами, нашими дідами і прадідами не забувається.

Стидно вольним казакам ще тому, що імператорська Росія завжди про них заботилася і навіть більше, ніж о інших. Ніякого обмеження і притеснення казаками не було, а навпаки, їм було передано більше свободи во всіх відносинах, ніж кому-либ.

Не треба цього забувати і відвернутися від Росії. Коли Росія покінчить з червоними своїми палачами, вона суме отблагодіти тоді вольних казаків і всіх їм подібних.

20-го листопада 1935 року.

Г. Самотівкін.

7. Російському націоналісту господа Самотівкіну.

На Вашу статтю-повідомлення від 20-XI-1935, могу кое що пояснити Вам і близьким Вам, маючи в виду не касатися того, що Ви написали об Україні, ібо я не українець. По тому поводу пишіть українцям, і вони, я надіюсь, дадут Вам належний відповідь.

Буду говорити о своєму казачьому вопросі і тільки.

Самостійна вольноказачья організація підтримується іли не підтримується іноземцями — я не знаю, що касается возглавлення її, то могу Вас уверити, що не авантюрист і не проходимець стоїт во главі цього руху, а природний казак станиці Ольгинської, Кубанського Войска, Ігнат Архипович Билій. Він був избранником в Войску в Кубанську Раду і був делегат на конференцію в Парижі. Ще будучи в Раді, він був гарячим захисником Кубанського самостійного управління. Звідси, за кордоном, вольні голосами казаків-націоналістів І. А. Билій избран і поставлен на посаду Похідного Атамана ВК. В Раді і на посаді Похідного Атамана проходимець і авантюрист ніхто і ніколи не видвинув. Казачьї-націоналісти не могут довіряти відповідальних посад проходимцям і авантюристам. В червоній же Росії, уже около двадцати років владичествуют прохо-

димці і авантюристи, і російські там як в рот води набрали і ні звука о смещенні їх. Видимо, підходящі люди стоїть во главі сов. Росії і ніт інших із російських, щоб замінити їх. Казаки-націоналісти ніколи не допустят середі себе такого позорного произвола. Достойного своїми голосами поставити во главі свого народу, а проходимця-прохвоста не оставят на посту і одної хвилини і «ласково» попросят його убраться в два счета. Наш избранний Похідний Атаман ВК не беспокоится о Росії, він беспокоится о своєму многострадальном Казачестве. О Росії пусть беспокоятся російські. Да они о ней і не беспокоятся, они беспокоятся о замене власти і тільки.

Не ради обещанных постов і окладов казаки-націоналісти ідуть за своїм Атаманом, а ради освобождения своих Земель из-под оккупации російських більшовиків. І не сманывает він іти за ним, а зовет іти казачьим путем і захищати своє добро від расхищения і разорения пришельцев с севера.

О Росії я лично не думаю уже давно. О Казачестве ж у мене изболелось сердце і забыть о нем не могу. Продавать чужую мне Росію было некому і ніт надобности в продаже її. Кубань родную не продавал і не продам її. Она, бедная, в руках не немцев, і не англичан, а в руках червоних російських більшовиків і попаласть она їм, як звірю лакомий кусок. Червоний звірь «там» все пожирает, рвет і мечет. Казачье добро захватил в свої лапы, а людей загнал в холодные і голодные места СССР. При возрождении для мене не Росії, а при возрождении моего родного Казачества, я пойду на суд казачий і будут судить мене казаки, но не російські. І повірте мені, що совість моя перед судом тем будет чиста потому, что я боролся исключительно за свое казачье, а не за російське добро. Я не хочу дать російським своего добра і не хочу иметь російського добра у себя. То-го хотят и все казаки-націоналісти.

Если Ваш НСНП борется только из-за власти, то это мало чести для искреннего патриота і напрасно погибли Ваши Захарченко-Шульц, Ларионов, Петерс і др. У искреннего націоналіста сердце горит святой ненавистью к поработителям не за то, что у него во власти стоїть чужаки, а за то, что эти чужаки называют Кубань своею, Дон своим, Украину своей, Грузию своей і все, что за пределами этих земель — они называют своим. Чужакам должно принадлежать только то, что они имеют в пределах границ своей земли. Кубань, Дон, Терек і др. Казачья Земля принадлежит казакам, і они боролись і борются из-за них. В борьбе за идею самостоятельности умерли от рук червоних там: Н. С. Рябовол, А. И. Кулабухов, Назаров А., М. А. Караулов, А. И. Дутов, М. П. Богаевский, К. Л. Барджі і много, много пало от рук червоних палачей простых смертных казаків. Имена же их Ты, Господи, ве-си. Именно они погибли за идею чисто казачью.

Скажу Вам, что освобождать Росію от червоних я никак не намерен.

Сказано Вами громко, но гнусовато так: «Интересно, какую собственно конституцию вы бережете і читаете? Неужели ту, которую Вам всунули проходимцы, наемные люди більшовиків!»

Для мене закон — исключительно казачий. С наемниками же більшовиків я общего ничего не имею, а если бы і имел что, то они не дали бы мне такого права, которое давало бы восстановление самостоятельным государством Кубанского Края. Так і запомните, г-н Самотівкін, что я не за Росію болею, а за Казачество. На Кубани моя земля і туда я стремлюсь, чтобы освободить її от червоного зверя. Если Вы их считаете своими врагами, то во сколько же раз они в моем представлении являются худшими, чем враги! Враг завоевывает і не поступает так, как поступили червоние більшовики с Казачеством.

Вы сваливаете все бедствия «там» на 80% евреев. А где же червоние? Где же 150 милл. російського народа? Я отвечаю, что они «там», а если 80% евреев стоїть «там» во главі російського народа, то видимо, что евреи червоним не противны. Были во главі російського

народа не чистокровные правители, сейчас там правят не русские и, пожалуй, не русские в будущем будут править Россией. Не позор ли гордиться многомиллионным народом! Малый процент евреев, а вот поди ж — они на всех главных постах. Русским оставили всего 20% ответственных постов. Это ли не краса и гордость у русского народа «там»?

Казачество клялось служить своему отечеству, но не России. Была Россия и казаки служили ей верой и правдой, а когда Россия стала красной и стала душителем Казачества, тогда казаки стали на свой исторический путь. Я должен уверить Вас, что в будущем Казачество не назовет нас, казаков-националистов, предателями своей родины, как Вы сказали.

Да это так — современные члены НСНП бежали спасаться от своих же людей в казачьи края. В 1917-1920 г. г. и в помине не было этого союза, и я говорю так, как оно было, а не в смысле, уже якобы существовавшем НСНП. Он явился на свет Божий всего 3-5 лет, да и того, пожалуй, не будет.

И Вы уверены, что «никакие Билые и Красные не отделят Кубанской области от России»? Не буду прогнать так, как Вы, но скажу, что — покажет будущее.

Да, правда, теперешние заграничные русские люди отдавали свои жизни, но только за что отдавали? Отдавали во имя власти той, что была до революции, то есть во имя царя, помещиков, дворян и проч. господ, что большинству русского народа было противно и они этих г. г. «вымели» за пределы своей Родины.

Действительно, я бежал в Крым и за границу на русском пароходе и не от Казачества я бежал, а от многочисленного красного врага. И не упреком мне это должно быть, а снисхождением, в силу обстоятельств. Но, пускай, я бежал, а Вы «любезно» были выставлены за границу?

Отрекаться же от России казакам-националистам нечего, так как Россия им не принадлежит, а что эксплоатируют ее «чужие интернациональные силы», об этом должны «подумать» Вы и Ваши единомышленники. Казаки-националисты всецело заботятся о том, как бы это избавит свои края от этой «интернациональной» силы.

Естественно и присуще каждому человеку гордиться именно той национальностью, к какой он принадлежит. Гордимся мы, казаки, своим национальным именем, гордитесь и Вы своим русским именем, гордятся немцы своим именем, французы, бельгийцы и т. д. своим именем. В этом залог будущего счастья и благополучия каждого народа.

Вы говорите, что «о казаках императорская Россия всегда заботилась и даже больше чем о других и никакого ограничения и притеснения казакам не было, а наоборот им было предоставлено больше свободы во всех отношениях, чем кому-либо?» — Императорская Россия притесняла Казачество в прошлом при Петре и Екатерине. После них — постепенное урезывание казачьих прав и были случаи «расказачивания» и опять «оказачивания» казаков. Теперешняя Россия решила полностью совсем стереть с лица земли все Казачество.

Где же эта императорская Россия, от которой вольные казаки «без стыда» отреклись? По Вашему, мы, казаки-националисты, должны быть верными несуществующей императорской России и должны прогнать русскую современную власть в Совроссии, а потом опять, по «православному» обычаю, силою оружия и казачьей нагайки водворять власть такую, какую Вы и Ваши единомышленники пожелаете? — Нет, мы, казаки-националисты, ни за, ни против императорской России, а за свое против теперешних «интернационалистов».

Что касается того, что, как Вы говорите, «когда Россия покончит с красными своими палачами, она сумеет отблагодарить тогда вольных казаков и всем им

подобных», так это уже совсем ясно сказано и комментарием почти излишни. Опять, значит, души, бей и забирай казачье добро и только за то, что казаки-националисты смели свое суждение иметь, как бы это избавиться от красных палачей и жить так, как гласит наш казачий закон.

Не покрывается ли у Вас стыдом лицо от такого намерения по отношению казаков-националистов? По Вашему, получается, что то, что принадлежит Вам, то Ваше, что принадлежит казакам-националистам, то тоже Ваше. Нет, так мы, казаки-националисты, не думаем. Мы хотим не дать Вам своего и не хотим взять Вашего. И желали бы жить рядом с Россией, как равный с равным. Не хотим чужой власти над собою и не хотим властвовать над чужим народом.

Не хочу причинять Вам зла ни теперь, ни в будущем и прошу Вас пойти таким же путем. Если кто из нас начнет творить зло друг другу, то на нападающего Бог.

8 и 9 марта 1936 г.

Верный Казачеству Н. Боровлев.

РОКОВАЯ ОШИБКА ГЕН. КРАСНОВА.

Смерть Андриана Константиновича Гусельщикова, этого легендарного казака, вдали от родных и близких, в нищете, всеми, кроме друзей, забытого, напомнила мне один случай, о котором я и хочу рассказать на страницах родного журнала.

В то время как Атаман Всевеликого Войска Донского ген. П. Н. Краснов писал «ноту» императору Вильгельму, «как равный равному», на полях Тихого Дона происходило следующее:

Ныне умерший ген. Гусельщиков, тогда полковник, командуя отрядом около Батайска, разгромил красную армию «товарища» Сорокина и двинулся на юг на станицу Кушевскую, Кубанского Войска. Вдохновитель и исполнитель этого геройского порыва ген. Коноводов, тогда войсковой старшина, командуя Гундоровским полком отряда, отдавая последний приказ по разгрому «товарищей», стоял на высоких баках железно-дорожного моста у Кушевки. Утомленная пехота залегла у северной окраины станицы. Конница отряда под командой неустрашимого подесаула Недикова, преследовала «гордость революции» к берегам Азовского моря. Гром боя заметно утихал. На лице всегда грустно-мрачного Вани Коноводова (как его ласкательно называли казаки) скользнула улыбка. «Ваня доволен», пронесся шопот по пехоте. Но эта улыбка сразу поблекла. С юга, по широкому шляху Екатеринодар - Кушевка, показалось облако пыли.

Кто пылит? «Красные»? «Белые»? Тревожный момент для невозмутимого «Вани». Отряд разбросан для преследования разбитых красных. Под рукой один пеший полк и батарея.

Слышится лаконическое приказание Коноводова: Шивар! (впоследствии командир Георгиевского Гундоровского полка полковник Шеварев) — поставить пулеметы! Самсон! (командир батареи войсковой стар. Самсонов) — батарею на позицию!

От громадного облака «пыли» оторвалась маленькая часть и на рысках быстро приближалась к Кушевке.

— Корниловцы! — сорвалось из уст застывшего, как монумент, Коноводова.

Действительно, вскоре полу-эскадрон, без дозора, под'ехал к мосту. Искусственно картавя по-гусарски, подполковник Р. доложил Коноводову, что главнокомандующий ген. Деникин приказал Кушевку не занимать, т. к. он, Деникин, не уверен в том, что немецкая ориентация Атамана Краснова не послужит к розни. Имейте ввиду, угрожающе добавил «посол ген. Деникина», что если вы займете Кушевку — по вас будет открыт огонь.

Спокойно, но мрачно выслушал Коноводов эти дерзости и, не имея времени докладывать об этом начальнику отряда полк. Гусельщикову, тут же приказал командирам сотен послать квартирмейстеров в Ку-

щевку и, не подавая руки посланцу, воскликнул: «Это начало конца!» — сел на коня и с полком двинулся в станицу, оставив на всякий случай пулеметы и батарею на позиции.

Жалко, что «главнокомандующий» не привел угрозу в исполнение, не обменялся огнем с полком войскового старшины Коноводова, входившего в составе двух тысяч штыков и трехсот шашек в отряд полковника Гусельщикова. Тогда, очевидно, не было бы бесславного и позорного соглашения Атамана Войска Донского с ген. Деникиным.

Лично я уважаю ген. Краснова, но его соглашение с «главнокомандующим» была его роковой ошибкой.

Бессмертное Казачество, в трагический период своего бытия, руководимое врагом последнего, понесло такие потери, какие не сравнимы с казачьими трупами, пущенными на плаху по Дону и Донцу князем Долгоруковым по приказу Петра.

Пишу эти строки и слезы омыают мое измученное лицо изгнанника.

Всколыхнется-ли, взволнуется-ли славный Дон? Поставит ли он кресты на могилах казаков с их славными Атаманами и командирами, положившими жизнь свою за его спасение? Я верю в Бога и отвечаю — да!

Но было бы лучше, если бы ген. Краснов в то время принял бы командование над казачьим народом, его избравшим, а не отдал бы на убой Казачество Деникину. Может быть, мы не были бы теперь за границей...

И. С. Губин.

КАК «РУССКИЕ КАЗАКИ» ВАРЯТСЯ В СОБСТВЕННОМ СОКУ

Волею судьбы не мало казаков оказалось вынужденными прожить свой «эмигрантский век» в г. Лионе.

Не буду говорить на сей раз о казаках-националистах, — поведу речь о так называемых «русских казаках», хотя последних и не так густо здесь, всего лишь 70-80 человек, при том не все они состоят в одной организации, а во всех почти русских организациях Лиона. Нет согласия между ними. Каждый тянет в свою сторону, но общий сонм звуков отдает великорусской стихией...

Еще при жизни ген. Богаевского местные «русские казаки» из кожи лезли, чтобы уверить русскую общественность в своем русском патриотизме, а она, эта общественность, осталась глуха к их заверениям, ибо она вообще относится к Казачеству пренебрежительно.

«Приветствуя» ген. Богаевского, «русские казаки» «точили зубы» на Н. М. Мельникова, а тем временем влезали в объятия проф. Маркова или набивались русским людям, вроде ген. Миллера или Казем-Бека.

Умер ген. Богаевский.... Побывали «русские казаки» на празднике «русской культуры», услышали в сотый раз романс — «Замело тебя снегом Россия» и еще раз попытались что-то изобразить...

По пальцам можно перечесать здесь казаков младороссов, ибо казачья масса остается глуха к их «раскачке» во «Всероссийском масштабе». Вторая советская партия, как сами они себя называли, создает всего лишь шум и... очковитительство.

Прямой противоположностью им являются казаки из НСНП. Скрытно собираются, таинственно шушукуются, читают друг другу рефераты обо всем, от способов произрастания апельсиновых деревьев до возможности установления железнодорожного сообщения между единой, неделимой Россией и Сатурном...

Особняком от приведенных выше группировок держится «золотая середина» «русских казаков», представляемых некоторыми бывшими казачьими старшинами.

Можно было бы описать, как выбирали Граббе в Лионе, но так как «выборы» здесь мало чем разнятся от таких же действий в других местах, то лучше оставить этот вопрос в покое.

Граф Граббе после своего «провозглашения» вздумал прибрать под «свою высокую руку» всех казаков, проживающих в Лионе. Тут-то и выяснилось, что не все довольны «провозглашением», а также и его действиями. Всех русских казаков в Лионе, по реше-

нию Граббе, свели в одну станицу с тем, чтобы она подчинилась старому ген. Иванову, назначенному Граббе своим представителем в Лионе.

С этого началось. Потом перешло в более узкую политику, — решено было выбить «милюковский дух» из рядов «русских казаков».

Сказано — сделано. В результате — две организации слились в одну. Короче говоря, была упразднена Донская станица из пяти человек, во главе с полк. Кушнаревым. Подсидел полк. Кушнарева другой полк. Дронов, состоящий в РОВС — атаман Калединовского хутора. В результате этих «реформ» получилась станица имени Каледина. Полк. Дронов заделался атаманом, а полк. Кушнарев — казначеем. Деятельность сводилась к тому, что отслужат панихиду или молебен. Примут участие в устройстве «дня русской культуры», продают русские календари...

Есть, правда, и нововведение. Со времени приезда графа Граббе на сборе стала подаваться команда «Г. г. офицеры». Ген. Малышенко тоже заглянул на сбор и опять команда: «Г. г. офицеры». А где же казаки? Поглядели «устроители» друг на друга и заметили, что казаков действительно нет, всего будет человек пять...

Подоспел в Лион и ген. Миллер. Г. г. офицеры решили, что следует встретить, как следует. Закипела работа. Полк. Дронов пишет письмо своему помощнику есаулу Кадыкову и предлагает собрать казаков и отправиться во главе их на вокзал для встречи ген. Миллера. Но не выдержало сердце есаула Кадыкова и отвечает он своему станичному атаману полк. Дронову так: любого казачьего генерала согласен идти встречать, но встречать русского генерала, хотя это и сам Миллер, не пойду...

Так и не пошел встречать ес. Кадыков ген. Миллера, хотя и приказывал ему станичный атаман полк. Дронов.

Разразилась буря... собрался сбор. Ушел со своей должности помощник атамана, ушел станичный казначей. Ушли из станицы полк. Кушнарев, полк. Гаврилов, войсковой старш. Черепяхин. На очереди другие... Остальная рядовая казачья масса живет дружно, мирно и... пассивна к «событиям», как всякая масса. Иные рассуждают так: пойдут первые самостийники, их поддержим; пойдут первые русские, то их поддержим.

Сварились в собственном соку «русские казаки» в Лионе, ибо здесь проживает до 800 казаков, а в организации входит лишь около 80 человек. Возникает вопрос: кто же остальные по своим убеждениям?

Было время, ровно шесть лет тому назад, когда казаков сепаратистов в Лионе можно было перечесать по пальцам. Теперь то время прошло. Вольные казаки объединены в «Союз вольных казаков сепаратистов имени Донского Атамана Самойлы Лаврентьева». Теперь в Лионе сотнями можно считать казаков — сторонников казачьей независимости. До поры до времени приходится хранить в тайне имена тех казаков, которые входят в организации «русских казаков» и ныне стали на путь казачьей независимости.

Но мы считаем, что всем нужно обрести мужество открыто говорить о своей любви к Казачеству. Пожелание это относится в первую голову к тем, которые еще не заявили об этом. Мы верим, что казачья кровь скажется в каждом казаке и мы, простые казаки, не ошибемся, веря, что придет тот момент, когда казачья старшина вспомнит о своем казачьем естестве и станет с нами бок-о-бок в борьбе с русскими оккупантами.

Ледоход в среде казачьей старшины не за горами.

Слава казачьему национально-освободительному движению — проповеднику и защитнику идеи казачьей независимости, ведущему нас к созданию казачьего независимого государства **Казаккии**.

Уважение выборному окружному атаману в. к. во Франции А. К. Ленинову за его работу по организации в лионском районе казаков, вокруг идеи ВК!

Слава всему Казачеству!

Казак Н. Н. Юров, председатель «Союза Вольных Казаков-сепаратистов имени Донского Атамана С. Лаврентьева в Лионе.

Продолжается подписка

на иллюстрированный журнал литературный и политический

БОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО -- ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО

выходит 10 и 25 числа каждого месяца

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год.:	цена отдельного номера:
Во Франции	30 фр.	60 фр.	3 фр.
В Чехословакии	40 кр.	80 кр.	5 кр.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	100 лей	200 лей	10 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0,50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	4 долл.	0,20 долл.

За перемену адреса следует присылать: во Франции 1 почтовую марку за 90 с., из-за границы 1 международный почтовый купон.

Подписную плату посылать по адресу: Mr. I. Bilyi, 10, rue Victorien Sardou — Paris (16)